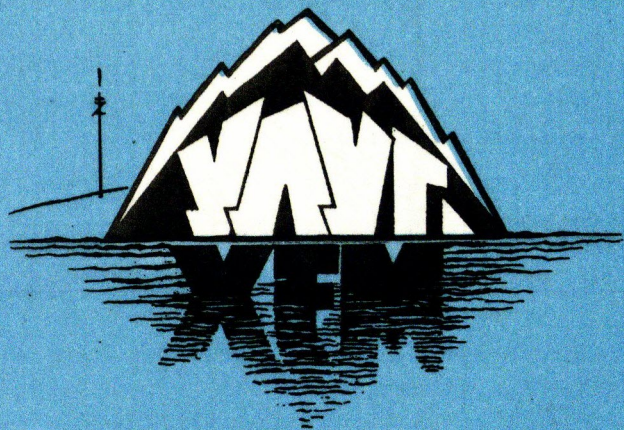

С. (Толб.)
19

ISSN 0235.0688.

Журнал Союза писателей Тувы

№ 2 (36) 112. 2003 г.

Журнал
тувинских
писателей

Журнал основан 26 августа 1946 года

---

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ*

Главный редактор Ч. Куулар

№ 2 (36) 112

2003 г., апрель — май

Редакция журнала "Улуг-Хел"
Кызыл — 2003

С (Тув)

О-58

Главный редактор
Ч. Куулар

Редактор и составитель номера
И. Принцева

Художник В. Донгак

Иллюстрации художника
В. Елизарова

Фоторепродукции В. Савиных

Учредитель журнала: Правительство Республики Тыва,
Государственный комитет по печати и информации, Министерство
культуры РТ, Союз писателей РТ, творческий коллектив редакции
журнала "Улуг-Хем".

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции
по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т — 00028.

К 90-летию со дня рождения

С.Б. Пюрбю

Ольга Бузыкаева

СУДЬБА ПОЭТА

Немногие сегодня помнят или знают, что первым председателем только что созданного Союза писателей ТНР стал поэт, государственный и общественный деятель Тувы Сергей Бакизович Пюрбю (1913-1975гг.). Было это шестьдесят лет назад. А спустя шесть лет после этого знаменательного события поэт был репрессирован по пресловутой пятьдесят восьмой статье УК РСФСР как враг народа. Долгие 2381 день - шесть с половиной лет провел он в застенках ГУЛАГа. То его этапировали на строительство железной дороги, получившей много позднее широко известное название БАМ, то отправляли в телятниках вместе с такими же, как он, "политическими", на прокладывание узкоколейки в Карагандинской степи.

Впрочем, нигде и никак - ни письменно и ни устно - Сергей Бакизович, по свидетельствам очевидцев, не любил вспоминать эти годы с клеймо, "врага народа". Зато есть свидетельства о том, что он ни разу не поддался уголовникам, умел постоять за себя. Несмотря на свою малую, почти женскую, ногу (39-й размер), чего он всю жизнь стеснялся, Пюрбю обладал недюжинной физической силой, быстрой реакцией боксера и борца. В конце концов уголовники отстали от "дикого азиата". А "дикий азиат" везде — за укладкой ли вонючих, пропитанных креолином шпал, за скудным обедом ли, в серые дни и бессонные ночи - шептал заветные слова. Бессмертные пушкинские строки теснились в груди политзаключенного, как и он сам, просились на волю...

Еще будучи студентом Ленинградского педагогического института имени Герцена, Пюрбю был поражен мощью стиха великого русского поэта. Сергей не ставил перед собой такой цели, но память мгновенно, с первого прочтения, схватывала свободным потоком льющисся строфы. Он бродил по набережным Невы, поражаясь их красоте, а еще более тому, что вот здесь, по этим безмолвным камням булыжной мостовой, ступала нога русского гения. И с каждым шагом по ним в голове будущего тувинского поэта все чаще и чаще звучала чарующая мелодия пушкинской поэзии. И вот теперь он, советский политзаключенный с пятилетним стажем, не имея под рукой ни клочка бумаги, ни огрызка карандаша, строфу за строфой в уме переводил "Евгения Онегина" на родной язык. Это было поразительно: русский роман в стихах легко, без видимых усилий укладывался в рамки тувинского языка, ничуть не портя его мелодики.

Еще одно подтверждение прозорливости гения: "И назовет меня всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык..."

"Дай только срок, дорогой Александр Сергеевич, и мой кочевой народ в самом сердце Азии заговорит твоими бессмертными стихами. Дай только срок", — шептали губы политзаключенного.

И вот в октябре 1954 года этот срок пришел: С.Б.Пюрбю был досрочно освобожден из мест заключения. Советская Фемида, как известно, была быстра на расправу, но крайне медлительна в признании собственных ошибок. С момента издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года "Об амнистии" минуло более полутора лет, прежде чем в "Карагандалаг" поступила официальная бумага об освобождении С.Б.Пюрбю. Но прошло еще два с половиной года до вынесения постановления Президиума Верховного Суда РСФСР (21 мая 1957 года), которым был отменен приговор суда от 1948 года и прекращено уголовное дело за не доказанностью предъявленного С.Б. Пюрбю обвинения по пятьдесят восьмой статье. Поэт был реабилитирован. Реабилитирован, но не полностью: на нем все еще продолжала "висеть" статья 182 УК РСФСР о незаконном хранении огнестрельного оружия.

Но еще до этой своей неполной реабилитации Сергей Бакизович завершил работу над переводом "Евгения Онегина". Творческая интеллигенция, учительство Тувы восторженно

приняли “Евгения Онегина” на тувинском языке. Многие подходили и искренне благодарили поэта за талантливый перевод.

Сорок пять лет минуло с той поры, и каждое новое поколение тувинцев не устает восхищаться пушкинской поэзией в переводе Пюрбю.

Как-то в кругу друзей Сергей Бакизович сказал: “Пушкин не дал мне духовно погибнуть в лагерях. Но и лагеря помогли мне вплотную приблизиться к Пушкину, свободно заговорить языком его поэзии на моем родном языке”.

А лагерное прошлое продолжало висеть тяжким грузом на душе поэта.

Подвиг жены поэта

“Ты же реабилитирован, никто теперь не осмелится назвать тебя врагом народа,— успокаивала жена Нина Дмитриевна. — И детям никто вдогонку не бросит презрительное “контра”.

Сын Саша и дочь Лена ничего не знали о лагерном прошлом отца. Не принято было в их семье говорить об этом. Друзья и знакомые свято держались обета молчания, хотя в доме Пюрбю всегда было многолюдно. Порой Сергей Бакизович приходил после работы и заставал дома шумную компанию.

“Кто они?” — шепотом спрашивал он жену.

“Не знаю, — отвечала Нина. — Наверное, твои родственники”.

После смерти мужа тихо стало в доме Пюрбю. Куда-то исчезли родственники, друзья и знакомые. И еще эта нелепая история с неполной реабилитацией. Однажды ночной порой ее осенила догадка: ведь он там наверняка не знает покоя, мечется его душа, корчится в муках от людского равнодушия и беспамятства! Не прощенная до конца душа поэта. И, не дожидаясь утра, Нина Дмитриевна села за рабочий стол мужа, вывела на чистом листке бумаги первую строчку: “Председателю Комитета государственной безопасности...”

В своем заявлении вдова просила полной реабилитации мужа. Медленно, очень медленно, со скрипом работала бюрократическая машина. Прокуратурой Республики Тува неоднократно принимались меры к полной реабилитации С.Б.Пюрбю. Для этого прокурор республики не раз и не два обращался в Генеральную

прокуратуру Российской Федерации с представлениями о принесении протеста в порядке надзора на судебные постановления в отношении репрессированного С.Б.Пюрбю и о полной его реабилитации. Не сразу Генеральная прокуратура РФ поддержала представление прокурора Тувы. В мае 1990 года оттуда поступил ответ: нецелесообразно приносить протест, поскольку С.Б. Пюрбю по Указу Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии" от 27 марта 1953 года и так считается несудимым, однако в связи с наличием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 182 ч.1 УК РСФСР, т.е. незаконного хранения огнестрельного оружия, Пюрбю С.Б. не подлежит полной реабилитации.

Такой ответ не устраивал вдову поэта. "Как же так, – недоумевала она, — считается несудимым и в то же время не подлежит полной реабилитации?"

И прокуратура республики по просьбе Нины Дмитриевны изыскивала новые доказательства для полной реабилитации Пюрбю.

Нина Дмитриевна, сама уже будучи тяжело (неизлечимо, как выяснилось позднее) больна, принялась за поиски новых доводов в оправдание мужа. Запросила сведения из госархива, который документально подтвердил факт пребывания С.Б. Пюрбю в составе тувинской делегации, сопровождавшей 3-й эшелон подарков в действующую Красную Армию. К сожалению, гласила бумага, из членов этой делегации никого не осталось в живых, но зато есть их взрослые дети, которые хорошо помнят те годы, к примеру, писатель К-Э.К. Кудажи.

И Кудажи подтвердил: "Да, мой отец, арат-скотовод из Ийи-Тала Улуг-Хемского хошуна, был в составе той делегации. Да, возглавлял ее генсек ЦК ТНРП С.Тока, входили в нее, если память мне не изменяет, также министр внутренних дел Н. Товарищтай, секретарь Дзун-Хемчикского хошкома ТНРП М. Доктугу, писатель С. Пюрбю. Тувинская делегация была на Брянском фронте. Да, мой отец оттуда вернулся в военной форме с погонами, на ремне носил пистолет. Часто встречался с аратами и рассказывал о героических подвигах Красной Армии.

Подарило пистолет моему отцу командование Брянского фронта. Такие подарки получили и другие члены делегации, в

том числе и С.Пюрбю. Ни документов на них, ни патронов к ним не было”.

Вот так. При обыске на квартире Пюрбю следователи, изъяв немецкий маузер, не обнаружили боеприпасов к нему. И это было вполне естественно, ибо он просто висел на стене в качестве сувенира - не более того. И все же следствие, даже не допросив свидетелей (в то время все члены делегации на фронт были живы), не истребовав сведений из архивов военных ведомств, не получив иных доказательств, обвинило поэта в незаконном хранении огнестрельного оружия.

Советская Фемида неохотно, но все же вынуждена была признать невиновность поэта, приняла решение о его полной реабилитации. Произошло это лишь в 1994 году, за полгода до смерти Нины Дмитриевны.

Донос братьев по перу

Но вернемся к событиям сороковых годов. Кому-то уж очень хотелось упрятать за решетку поэта, независимого в суждениях и открыто критикующего руководство Тувы за неразумную, с его точки зрения, политику. “А какое он имеет право критиковать, кто он такой, поэт-самоучка?!”

И “верха” не заставили себя долго ждать: сместили неугодного поэта с поста председателя Комитета по литературе и искусству при Совмине ТНР, отправив его учительствовать в Шагонарскую среднюю школу. (Именно здесь, в Шагонаре, столуясь в семье Филатовых, он познакомился со своей будущей женой Ниной Дмитриевной). А позднее, когда в Туву пришла Советская власть, отлучили С.Б. Пюрбю от компартии и тувинского отделения Союза писателей СССР. Этого “верхам” показалось мало. И тогда в Туву в декабре 1947 года пожаловала бригада Союза писателей СССР, наделенная высокими полномочиями: разобраться с состоянием дел в тувинской литературе, выявить и дать отпор националистическим, мелкобуржуазным настроениям в ней. Базой для ее визита послужило постановление ЦК ВКП(б) “О журналах “Звезда” и “Ленинград” от 14 августа 1946 года. (Напомним, что лишь в 1988 году, в период перестройки, это постановление было признано ошибочным. Но в течение

нескольких десятилетий оно исправно служило основанием для шельмования, несправедливой и грубой "проработки" известных мастеров советской литературы).

И вот члены бригады — Никодим Федорович Гильярди и Михаил Маркелович Скуратов - в течение четырех месяцев скрупулезно изучали произведения тувинских поэтов и прозаиков. Изучали, как оказалось, не с целью оказать им творческую помощь, а с одним единственным желанием - выявить замаскированных идеологических противников. И они были "выявлены". Уже в первых строках заключения авторы "с большевистской прямоотой" заявляют: "Наличие откровенно буржуазно-националистических явлений в тувинской литературе чаще всего прикрыты чисто географическими и этнографическими описаниями вне времени и пространства, обнаруживают крайне низкий идейно-политический уровень значительного числа произведений. Эти пороки в наибольшей степени выражены в произведениях Пюрбю и Идам-Сюрюна...

Полный отрыв от современной жизни, упорное и злостное пренебрежение темами и задачами современности, исключение человека, людей как объекта художественного произведения, игнорирование подлинной борьбы тувинского народа за перестройку старых, отсталых форм на социалистический лад во всех областях и, таким образом, прямое извращение действительности - вот истинные мотивы всего, с позволения сказать, "творчества" Пюрбю и Идам-Сюрюна...

Вот его (Пюрбю) упражнения в лирике, в них много глупенькой мелодрамы, узко личных, чисто субъективных писаний (интересно, а какой еще должна быть лирика?) Все они монотонны и однообразны, и только стоит удивляться, как наша печать могла предоставлять место для публикаций этой пошлятины". Что ни строка, то удар в незащищенное сердце поэта.

А вот и "доказательства":

Не серый листок бумаги,
а лицо твое,
Не строй букв, а живой голос
твой,
Как восход зари
с нетерпением жду я.

Эти строки признания любимой квалифицируются заезжими критиками так: "Они так же неискренни, лживы и лицемерны, как и все остальные".

3 апреля 1948 года Н. Гильярди и М. Скуратов подписывают так называемый акт проверки творчества С.Пюрбю и М.Идам-Сюрюна с приложением к нему "материалов". Для чего понадобился еще и акт? Он с головой выдает авторов неприкрытого доноса на товарищей по литературному цеху. Прочитируем лишь одно предложение: "Ввиду того, что вся литературная деятельность С.

Пюрбю и М. Идам-Сюрюна является ничем иным, как скрытой, а нередко и открытой проповедью на идеологическом фронте байско-буржуазного национализма, несовместимой со званием советского писателя и гражда-

С.Б. Пюрбю в годы репрессии, 1948

нина, и наносит огромный вред делу развития молодой советской тувинской литературы, считаем своим долгом довести об этом до сведения органов Министерства государственной безопасности".

И уже через две недели заместитель начальника следственного отделения УМГБ по Тувинской автономной области капитан Михайлов, "рассмотрев материалы о преступной деятельности, нашел: Пюрбю проводит антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию партийно-советских мероприятий, возводит клевету на национальную политику партии и Советского правительства, а также призывает к изгнанию из Тувы и убийству русских".

Помимо известных "материалов обследования состояния дел в тувинской литературе", следствие УМГБ оперировало показа-

ниями свидетелей, близко знавших С.Б. Пюрбю. Их показания и были положены в основу обвинения тувинского поэта в антисоветской контрреволюционной деятельности. Однако в 1957 году эти самые свидетели пояснили органам следствия, что они оговорили Пюрбю вследствие принуждения со стороны следователей. Уголовные дела, подобные рассматриваемому, делались по одному сценарию: оговорить, обвинить, осудить. При этом показания самих обвиняемых, их доводы, как правило, следователями во внимание не принимались.

Пюрбю на допросах держался с достоинством, был объективен и самокритичен. Полностью отрицая свою вину в антисоветской деятельности, он, тем не менее, признавал, что порой в общественных местах, будучи в нетрезвом состоянии, допускал непозволительные выкрики в адрес "голодных русских". Но это его признание можно было расценить как проявление национализма на бытовом уровне. И не более. Никакой агитации или пропаганды против русских, направленной на разжигание национальной вражды, поэт не проводил. Да у него, как он сам признавался, и в мыслях не было такого: он только открыто возмущался поведением отдельных русских граждан, которые позорили-де великую нацию. К тому же, он был женат на русской женщине, имел от нее двоих детей. Впитал в себя дух русской культуры, обучаясь в Ленинграде, а позднее - в Москве. Искренне восхищался шедеврами мировой классики А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького, М. Шолохова. Еще тогда, до своего ареста, он вынашивал замыслы перевода их произведений на тувинский язык. И был близок к их осуществлению. Но...

Приговором областного суда Тувинской автономной области от 14 июля 1948 года С.Б. Пюрбю был осужден по ч.1 ст.58-10 УК РСФСР "за пропаганду, содержащую призыв к свержению Советской власти" к десяти годам лишения свободы...

"Пушкин помог мне выжить"

"...Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил..."

- Что ты все шепчешь в темноте? - спрашивал сосед по нарам. - Никак молитву читаешь?

- Молитву, - кратко отвечал заключенный Пюрбю.
- Думаешь, она поможет тебе?
- Она всем помогает - и нам, и тем, кто на свободе.

Великая сила в ней.

- Ну, хватит вам шептаться! - недовольно вмешивался кто-нибудь с верхних нар. - Спать мешаете.

Беззвучно шевелятся губы "политического", строфа за строфой переключаются на тувинский лад гениальное произведение. Сразу по освобождении Сергей Бакизович засел за письменный стол и не отходил от него, пока не завершил давно задуманное и начатое еще в ГУЛАГе. Нет, застенки не сломили дух мятежного поэта, позднее он будет признан мастером тувинской литературы. До последних дней жизни он будет находиться в беспрестанных поисках художественного самовыражения тувинского народа. На собраниях творческой интеллигенции, литераторов он будет нелицеприятно восставать против шаблона, узкотемноты, заданности стихов, отрыва от тувинской фольклорной поэтики. И напротив, щедро откликаться на творческие находки товарищей по литературному цеху. Его постоянно можно было видеть среди талантливой молодежи, он охотно помогал ей и делом и советом взростеть, подтягиваться до уровня истинно художественного слова.

Поэт в воспоминаниях дочери

Родные недоумевали, когда он все успевает делать? И когда он отдыхает, и отдыхает ли вообще? Дочь Елена (Глушакова по мужу) вспоминает:

"Папа был очень добр к нам, детям. Никогда не прибегал к физическим наказаниям, даже ни разу в угол не поставил. Говорил: угол для ребенка равносителен тюрьме для взрослого. В основном воспитывал строгим внушением.

Когда я в одиннадцатый лет травмировала себе ногу, так папа на руках носил меня в школу и обратно.

Люди зачастую бывают разными: на людях — одни, дома — другие. Но папа всегда и везде был самим собой.

У нас в доме очень любили животных. Жил у нас журавль по кличке Журка, которого мы принесли с болота с перебитым

Дочь Елена Сергеевна 1992 г.

крылом. Жила галка, ставшая почти ручной, откликалась на зов, когда ее звали к обеду. Мы так ее и звали — Галка. В 1967 году у нас появился первый телевизор, всей семьей увлечено смотрели передачи. И вот однажды за этим занятием папа не заметил, как Галка села ему на лысину и... оправилась. Мы все, в том числе и папа, дружно рассмеялись.

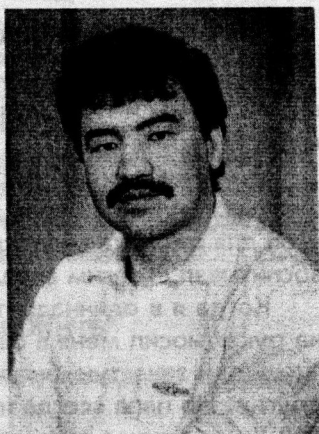
Брат Саша посмотрел фильм "Тропюю бескорыстной любви" (про рысенка, которого вырастил егерь) и ему тоже захотелось рысенка. Рысенок не рысенок, но волчица вскоре появилась в нашей городской квартире.

Она быстро выросла. Кто приходил к нам домой, пугался, увидев волчицу. Жулька, так мы все звали ее, была у нас за собаку, только вместо лая выла и никак не хотела одна оставаться на балконе, скреблась в дверь и просилась в домашнее тепло.

Все-таки натура дикого животного в ней брала верх, и она уже могла порвать в клочья все, что попадало ей на глаза и вызывало неприязнь. В одном из писем сыну (Саша уже учился в институте на охотоведа в Иркутске) папа писал:

"...Теперь о Жульке. Поправилась. Подросла. Только одна беда с ней. Ничто ее не держит, достает все и всюду, даже с телевизора достает, все ломает, крушит. На балконе жить не желает и громко воет, как настоящая волчица. У нас нервы натянуты до предела. У матери уже начались неприятности с соседями. Ты знаешь наше здоровье, думаю, что примешь правильное решение и пощадишь нас, вернее, поддержишь наше здоровье".

Получив согласие Александра, мы отдали Жульку одному знакомому, работавшему сторожем.

Сын Александр Сергеевич 1965 г.

Через несколько месяцев папы не стало.

Как-то папа рассказал нам, брату Александру и мне, о своей несостоявшейся карьере хуурака, послушника ламаистского монастыря. Когда он был подростком, родители определили его в хурээ. По истечении какого-то времени тем же летом он сделал себе лук и принялся стрелять из него по сусликам, и довольно метко. Наставник хурээ застал его за этим насилием над животными, запрещенным религией, и поспешил расстаться с негодным мальчишкой.

После этого папа пошел в батраки к русским, о них у него остались хорошие воспоминания. ("Обучили меня русскому языку, привили основы личной гигиены, научили ценить труд"). На первый заработок родители пошили ему синие штаны из далембы. Но парнишке очень хотелось, чтобы они были с карманами. А так как ткани синего цвета не осталось, то к штанам пришили большие красные карманы. В них он носил все, что ценилось среди мальчишек, и конечно же, бабки, залитые свинцом, и почекушку - предметы для любимых в ту пору игр.

Когда папа поехал учиться в Ленинград, ему купили сапоги, первые в его жизни. Там кто-то ему сказал, что это - женские сапоги. Тогда он взял и закопал их в шлаке на чердаке общежития.."

Не весть какой поступок, но он ярко высвечивает независимую натуру Сергея Бакизовича. Он не терпел никаких насмешек, никакого насилия над собой, оставался всю свою сознательную жизнь независимым в суждениях и поступках. Многие его сверстники позднее признавались в воспоминаниях, что своим высоким призванием поэта и положением одного из основоположников тувинской литературы он был обязан не чьей-либо протекции, а исключительно собственным способностям, упорному труду. Он слыл в Туве широко образованным человеком, хорошо владеющим русским языком.

Что мы еще знаем о нем? И первая, и вторая жена у него были русские. И в первой семье у него были дочь и сын, и во второй тоже дочь и сын. О какой же чуть ли не патологической ненависти поэта к русским могли лжесвидетельствовать свидетели? О каком махровом национализме С.Б.Пюрбю они живописали на предварительном следствии, коли он жил стихами Пушкина, прозой Толстого, пьесами Шекспира?

Видимо, чувствуя надвигающуюся на него беду, Сергей Бакизович незадолго до ареста настоял на официальном разрыве с первой женой, упросил ее выехать вместе с детьми — Лилией и Виктором — за Саяны. Он знал, предугадывал, какая нелегкая участь могла ждать детей “врага народа”.

При жизни С.Б. Пюрбю постоянно переписывался с ними, а после его смерти связь прервалась. Дочь Елена не раз пыталась восстановить ее, но безуспешно. Теперь хочет обратиться к помощи телепередачи “Жди меня”.

Позднее раскаяние

И современники, и нынешняя молодежь знают и любят стихи С.Б. Пюрбю — за их особое трепетное и чистое звучание. Многие из них вошли в сборник “Когда улетають журавли”, вышедший в издательстве “Современник” накануне 60-летия поэта. Кстати, в предисловии к поэтическому сборнику Михаил Скуратов (да, да, тот самый автор доноса на поэта в 1948 году!) пишет о поэзии С. Пюрбю: “Она негромка, но мудра и величава. Широкими эпическими мазками, тончайшими лирическими полутонами он живописует человеческие характеры, преобразования новой жизни. В нем нет и следа национальной замкнутости, он мыслит широкими категориями, созвучными с идеями нашего интернационального мировоззрения”.

Автор предисловия предпочитает не замечать того обстоятельства, что некоторые лирические стихи были написаны поэтом еще до рокового для него 1948 года. До злопыхательского доноса М. Скуратова и иже с ним в органы КГБ: “Люди эти (Пюрбю и Идам-Сюрюн), скатившиеся в болото контрреволюционного национализма, долгое время получали возможность... творчеством протаскивать чуждую нам идеологию, наводнить тувинскую литературу пошлой, безыдейной и вредной по содержанию писаниной”.

Вот такие перевертыши долгое время творили в союзе писателей страны свое гнусное дело. А когда наступили иные времена, враз перекрасились, на сто восемьдесят градусов повернулись.

Только напрасно Михаил Скуратов таким вот “оригинальным” способом раскаивался в своем неблагоприятном деянии перед

оболганным им тувинским поэтом. С.Б. Пюрбю не принял его извинений, как не принял и вряд ли когда примет их тувинский народ.

В декабре 2002 года Тува отметила 60-летие со дня образования творческого союза писателей республики. В приветственном поздравлении по случаю этого юбилея Председатель Правительства РТ Ш.Д. Ооржак особо отметил весомый вклад в национальную культуру "таких ярких мастеров художественного слова, как Кок-оол, Идам-Сюрюн, Тока, Лопсан, Сарыг-оол, Пюрбю, и еще многих других, кто вывел тувинскую литературу не только на российский, но и на международный уровень".

Произведения С.Б. Пюрбю переведены на 18 языков народов России и зарубежных стран. Член Союза писателей ТНР с 1942 года, лауреат Государственной премии Тувинской АССР, народный писатель Тувы, заслуженный деятель литературы и искусства республики, Сергей Бакизович Пюрбю надолго сохранится в благодарной памяти потомков.

Фото из архива дочери поэта Е.С. Глушаковой.

К 70-летию со дня рождения

С.В. Козловой

Варвара Межова

ЛУЧ СВЕТЫ

Эрудит

Светлана Владимировна Козлова пришла на работу в "Тувинскую правду" более сорока лет назад, в 1962 году. До этого была корреспондентом других двух газет — молодежной и "За коммунистический труд". У нас ее сразу же определили в отдел культуры, которым я заведовала уже несколько лет. Нечего и говорить о том, как я обрадовалась. Иметь в отделе такого эрудита, как она — просто счастье.

Света (мы называли друг друга по-простому) прекрасно знала литературу, и нашу, и зарубежную, была лично знакома

с многими писателями нашей великой страны, могла на память читать стихи поэтов, цитировать произведения писателей. Не меньше знала музыку (в свое время окончила музыкальную школу). Зная ноты, она могла сыграть на пианино или просто напеть только что написанные песни тувинских композиторов, часто приходивших в редакцию. Светлана Владимировна прекрасно знала творчество многих художников прошлого и настоящего.

Неудивительно, что я сразу же отдала ей раздел литературы и искусства, оставив себе народное образование, а культурно-просветительные вопросы делили пополам. Правда, бесконечно любя детей, Светлана Владимировна время от времени "срывалась" и бежала в школу, писала об учителях и их питомцах.

Бывало, и я вторгалась в сферу литературы и искусства — писала о художниках, артистах, писателях. Однако мы постоянно помнили, какие разделы курируем. Часто вместе посещали многие мероприятия, спектакли, концерты. Как-то пошли в театр на представление "Хайыраан бот" Виктора Кок-оола. Света постоянно что-то помечала в блокноте. И вдруг, смеясь, подает мне листок с экспромтом четверостишия:

*Ох, устала бедная Кара
Столько раз взбираться на скалу, —
автору и матушке Хорлу
новое дитя родить пора.*

Вот такая она была — равнодушная ко всему на свете, готовая высмеять то, что считала нужным.

15 лет мы просидели в одном кабинете, друг против друга. Ссорились ли мы? Никогда! Только спорили. Например, я люблю Есенина, хорошо знаю его творчество, а Света его не жаловала. Мне нравятся стихи Анны Ахматовой — она пренебрежительно называла все ее творчество "мещанским", я всегда уважала Евтушенко, она же клеймила его позором. Свои убеждения она умела отстаивать с помощью многочисленных примеров, потому что прекрасно знала творчество даже нелюбимых писателей, музыкантов, художников, артистов. Одним словом — эрудит, чего многие из нас не могут сказать о себе.

Журналист

Как-то Константин Симонов, будучи прекрасным писателем, сказал о себе: "Остаюсь журналистом". Вот такая была и Светлана Владимировна. Незаурядный поэт и прозаик, она бесконечно любила нашу беспокойную журналистскую работу. Работоспособность у нее была феноменальная. В первую очередь она старалась сдать материал в газету, тем более, что наш редактор любил говаривать: "Мало сдаете строчек, что мне, ваши портреты ставить на полосу?" Света блестяще писала очерки, статьи, рецензии, репортажи, интервью. И все это звучало остро, злободневно, а самое главное — неравнодушно, все пропускалось через ее сердце. Как-то, вторгшись в "мою" сферу — народное образование, она подготовила статью о так называемых умственно отсталых детях.

— Представляешь, — кипятилась она, — некоторые педколлективы избавляются от слабых учеников. Что они, все умственно отсталые? Просто из-за своей лени плохо учатся. С ними надо работать, найти к каждому подход!

В своих статьях не давала пощады плохо играющим артистам, графоманам, халтурщикам в изобразительном искусстве.

Невольно напрашивается вопрос: а когда же она занималась литературным творчеством? Не ставя цели сказать о ней, как писателе — пусть об этом расскажут товарищи по этому цеху, скажу лишь о том, что видела. Очень часто, снабдив газету, как мы говорили, строчками, она, где-то во второй половине дня бралась за стихи или прозу. Снова, как и с утра, стучала ее пишущая машинка.

Не считаясь с дефицитом времени, со здоровьем, она терпеливо, бескорыстно помогала всем, входящим в литературу. Вдобавок у нее постоянно работало объединение "Исток", которое охотно посещали не только молодые, но и довольно солидные люди. На занятиях "Истока" было интересно, я тоже иногда, из любви к поэзии, их посещала.

А сколько времени, сил и знаний она отдавала переводам. Очевидно, руководствуясь постулатом, что переводчик — не раб, но соперник поэта, она, не жаля ~~своих, выношенных~~ образов, дарила их автору подстрочники. Мне часто казалось,

что она буквально из набора фраз делала настоящее стихотворение... Но пусть об этом скажут сами нынешние писатели. Надо полагать, каждый из них благодарен ей за эту бескорыстную помощь.

Дети

Их у Светланы Владимировны и Анатолия Федоровича было девять. Однажды я заметила, что она ждет четвертого. Полушутя-полусерьезно сказала ей:

— Вот этот появится, и я думаю, ты четвертым ограничишься. Ты же сугубо творческий работник. Родить может практически каждая женщина, а вот создавать произведения...

Смотрю, у нее лицо вдруг потемнело, глаза сделались злыми, и она резко, с вызовом, сказала:

— Сколько будет, столько и будет! — и, уже смягчившись, добавила: — И давай, Варя, больше не возвращаться к этому разговору...

Как говорится, вольному — воля. Дети появлялись один за другим, и все — умненькими и хорошенькими, упитанными. Светлана Владимировна была отменной поварихой-стряпухой. И детей приучала к домашнему хозяйству. Бывало, звонит перед обедом домой и наказывает повзрослевшим ребятишкам подогреть суп, приготовить второе. Я никогда не переставала восхищаться не только ее трудолюбием на работе, но и ее хозяйственными способностями. В большой семье всегда работы по горло.

Света никогда не переставала мечтать и рассуждать об их будущем. И больше всего хотела, чтобы хоть часть из них ушла в литературу и искусство. И некоторые оправдали ее надежды.

Первой поступила в хореографическое училище и стала балериной красавица Настенька (сейчас она живет со своей семьей в Голландии). Потом Света с удовлетворением сказала про Кондрата:

— Знаешь, стихи пишет, и есть очень даже неплохие. Пробует себя и в переводах.

Сейчас Кондрат окончил Литературный институт. Не меньшую радость доставил ей самый младший, Денис, когда поступил в Кызылское училище искусств. Лиза, уехав в Москву, приобщилась там к театральному искусству. Остальные дети пошли по другим дорогам: самая старшая, Ирина — служащий, Соня

стала учительницей, живет с семьей в Иркутске, Егор в Москве, защитил диссертацию. Катя живет в Санкт-Петербурге, растит двоих детей. Трагически сложилась жизнь красавца Феди. Он выучился на юриста, работал по специальности, но трагически погиб. Светлана Владимировна не находила себе места после этого сообщения. Срочно вылетела в Екатеринбург, кремировала его тело и с урной, не выпуская ее из рук, прилетела в Кызыл. Похоронила она своего сыночка рядом с отцом (Анатолий Федорович скончался раньше. Смерть его тоже была Светланиной постоянной сердечной болью).

Сама Светлана Владимировна долго и мучительно болела сахарным диабетом. Отчаявшись, она полетела в Москву, на родину, где появилась на свет, росла, училась, окончила МГУ. Она не сомневалась, что там, недалеко от могил матери и отца, она выживет, ее спасет родная земля. Но она не спасла. В больнице, где она лечилась, потребовали за операцию (ампутацию ноги) 7 миллионов старыми деньгами. Правительство Тувы выслало эти деньги, но и они не помогли. Яркая звезда тувинской литературы и журналистики погасла. Тува помнит ее и, не только в юбилей (21 февраля этого года ей исполнилось бы 70 лет). Как-то наш народный писатель Кызыл-Эник Кудажы сказал в беседе со мной:

— Светлана так много сделала для Тувы, так велики ее заслуги в развитии нашей литературы, что я бы, будь моя воля, назвал ее именем одну из улиц Кызыла.

Никто не сомневается в заслугах Светланы Владимировны. Как яркий луч, наша Света осветила своим творчеством, своей неугасимой жаждой к жизни все и всех, кто ее окружал, кого она любила, и кто любил ее.

Мargarита Татаринцева,
к.ф.н., зав. сектором культуры ИГИ.

“МНЕ ПЕСНИ ПЕТЬ — КАК ВОДУ ПИТЬ”

Трудно поверить, что этой удивительной женщины нет больше с нами. Казалось, ее жизненная энергия неиссякаема, ее жизнестойкости, трудолюбию, широте интересов, упорству в достижении цели могли позавидовать молодые коллеги. Среди писателей Тувы она заняла особое место. И не только потому,

что владела ярким талантом, но и потому, что добровольно несла на своих плечах огромную организационную литературную работу, которая по силам далеко не каждому мужчине.

Она много переводила тувинских поэтов и писателей, вела всю работу по изданию альманаха "Улуг-Хем" на русском языке, руководила творческим объединением молодых поэтов "Исток". И все это при том, что она интенсивно было занята на своей основной журналистской работе в редакции газеты "Тувинская правда", где возглавляла отдел культуры. А если еще не забывать, что С. Козлова была матерью девяти детей, то остается только поражаться, каким огромным запасом сил и разнообразными талантами наградила природа эту довольно хрупкую на вид женщину.

К сожалению, поэтическое творчество Светланы Козловой еще не стало предметом обстоятельного исследования, хотя она занималась литературным трудом сорок лет. Москвичка, выпускница факультета журналистики МГУ, как поэт она сложилась уже в Туве. Здесь были опубликованы ее первые поэтические подборки, затем один за другим вышли шесть ее сборников стихов. Седьмой сборник "Слышу гром" вышел в Москве.

Как журналист и поэт С. Козлова побывала в каждом уголке Тувы, хорошо ее знала, знала ее людей. И они ее знали, очень доверяли ей, через газету обращались лично к ней и с проблемами, и со своими первыми литературными опытами.

Особенно много внимания она уделяла "молодым дарованиям", начинающим литератор, буквально "носились" с ними: читала, редактировала и переводила их первые литературные опыты, печатала их на литературных страницах газеты и в альманахе "Улуг-Хем", для них у С. Козловой всегда находилось время. Она замечала и готова была поддержать даже самые скромные литературные способности и многих приобщила к поэзии, к литературной и журналистской работе.

В Туве С. Козлову знали все, ей писали учителя и доярки, артисты и пенсионеры. И всегда находили отклик, как бы занята она ни была. "Трудная земля моей любви", – эта емкая поэтическая строчка – лейтмотив многих стихов С. Козловой о Туве и ее людях.

Немалый жизненный опыт журналиста и женщины-матери, "яркая радость и горькое горе – зрелости грани" отразились в ее поэзии.

Особенностью ее поэтического дара была большая склонность к стихам эпического и лиро-эпического характера, нежели

к чистой лирике. А уж интимной лирики у нее почти нет. С. Козлову более привлекают рассказы не о себе, а о других. Поэтому преобладающее место в творчестве занимают сюжетные стихотворения, баллады. Жажда эпического повествования находит выражение также в поэмах – их опубликовано десять. Самые известные из них – “Юрта”, “Долг”, “Сухая лиственница”, “Деревенская повесть”, “Кавалерист-девица”.

Работа в газете, поездки в новые места, встречи с новыми людьми – постоянный источник поэтического вдохновения С. Козловой. К стихам она шла от жизни, от журналистских наблюдений. Поэтому ее поэзия сегодня – своего рода “документ” истории, вобравший в себя живые факты и впечатления определенного времени.

Характерное свойство дарования С. Козловой — потребность быстрого отклика, стремление запечатлеть в стихах и выразить свое отношение к герою или явлению. Ярко выраженная гражданственность – важнейшая черта ее творчества – проявилась именно в этих стихах о временах в жизни всей страны и ее небольшой части – любимой Тувы.

Среди мозаики тем в творчестве С. Козловой можно выделить одну неизменную: это тема Тувы. Произведения о Туве могли бы составить отдельный сборник, в нем были бы и стихи, и поэмы, и баллады. Она смогла передать характерные признаки Тувы, особенность ее красоты в ландшафте, природных контрастах, необычных красках. Но это не экзотика, а земля, хотя и “самая трудная”, но ставшая поэтической колыбелью для автора, второй родиной, любимым домом. И недаром многие стихи С. Козловой о Туве переведены на тувинский язык, стали любимыми песнями.

Постоянна в творчестве Светланы Козловой и тема материнства. Ее нельзя назвать главной, но она сквозной линией проходит через все ее творчество.

Материнство – не только великая радость, но и ответственность, и самоотверженность, и терпение, и печаль. Разными гранями высвечивается в стихах С. Козловой тема материнства: это и взаимоотношения поколений – отцов и детей, это и собственные детство, юность, это и будущее тех девочек и девушек, за которыми наблюдает она (стихотворения “Материнство”, “Мамины пироги”, “Третья сила” и др.)

К этому же кругу примыкает у поэта и тема женщины, ее судьбы, места в обществе. Целая галерея женских лиц проходит перед читателем. И эпиграфом к этим стихам могли бы стать слова их автора: "Женщина Востока, гордая душа!". Но и столкновение возвышенного и земного, неизбежное сочетание духовного и обыденного волнуют поэта. Автор неизменно предпочитает духовное. Это темы многих стихотворений о собственной судьбе и судьбе многих ее сверстниц, всю жизнь вынужденных нести бремя бытовых проблем, забот о семье, о детях (стихотворения "Просвет за лесом", "Музыка", "Домашние хозяйки", "Обыкновенная история").

В стихах из последних сборников героиня С. Козловой – уставшая, уже немолодая, очень занятая женщина, но в ней не гаснет юношеский свет высокого жизненного предназначения: "А все в ней живет предчувствие подвига. Сбудется или нет?"

Но, как и у всякого поэта, кроме личных наблюдений, немалую роль в творческом вдохновении у С. Козловой играют и опосредованные впечатления, реминисценции, осмысление жизни через опыт предшествующих поколений, книжную культуру, искусство. Фантазия дополняет и оживляет прочитанное, проявляется конкретный образ, как бы моментальная фотография прошлого.

В стихотворении "Нестинарка" – о девушке, танцующей на раскаленных углях, автор проводит параллель судьбы героини с собственной судьбой, что встречается у С. Козловой, прямо скажем, не часто.

Не потому ли после дня работы
Вдруг оживают на моих ступнях
Тысячелетней давности ожоги,
И в темных снах неясно возникают
Багряно-синеватые костры?..
Замкнулась цепь облыжных, грубых слов.
Сдалась любовь и отступила дружба,
И так мне больно обнаженным сердцем
Касаться пламенеющих углей!

Вечная тема поэзии – конфликт между реальной жизнью и мечтой, надеждой, ожиданием. В душе лирической героини С. Козловой постоянно звучит музыка, которую она чувствует, переживает, бережет. Нужно только не забывать об этом, не

заглушить ее прошлыми и грубыми звуками повседневной суеты, уметь слушать музыку души, музыку сердца: “А музыка плещется в сердце огромном, и гаснут в нем звезды чужого огня...” (стихотворение “Музыка”).

Что думала о своем поэтическом творчестве сама Светлана Козлова? Ответ на этот вопрос можно найти в ее же стихах. Поэзия для нее – потребность души, а слово для поэта как вода для всего живого. Читателю она говорила: “Гляди в слова, ведь я из слов!” И еще: “Мне песни петь – как воду пить”.

Без преувеличения можно сказать, что при жизни Светлану Владимировну Козлову знала вся читающая Тува. Лучшее в ней – это ее литературная работа, ее поэзия. А лучший способ вспомнить, мысленно пообщаться с ней—почитать ее стихи.

Черлиг-оол КУУЛАР

ОРЛИНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

(Быль)

— На скачках опять победила кляча Седена Савраска? Да этого быть не может! — ехидно смеялись над моим зятем мужики.

— Завидно вам, вот и чешете языки, — он гордо отдал мне, как наезднику, половину своей награды и, лихо вскочив на коня, улыбнулся. — А ты молодец, из таких орлы растут!

В свертке был зеленый кирпичный чай, далемба и тетради.

По дороге домой я поделился с ним своей искренней радостью:

— Думал, если подведу, как буду вам в глаза смотреть? Но все же победили!

— Ты вот послушай, а я расскажу историю о лошади. Эта лошадь навечно поднимет твой Хей-аът.

И он начал рассказ:

— Однажды весной орел напал на мою лошадь. Та была такой же масти. Не знаю, что толкнуло гордого хищника на такой подлый поступок. Может, инстинкт выживания. Выклевывая печень, он носил мясо птенцам. Единственная моя лошадь тоже помогала мне кормить моих детей, и было мне очень горько. Коли орел первым нарушил неписанный закон, я, помолившись Танды, поставил волчий капкан среди трав, где лежал труп лошади.

На другой же день я обнаружил орла в своем капкане. Стало мне не по себе — может, птица больная? Что-то тут неладно. Самое удивительное — орел не был агрессивным, скорее жалким и будто просил пощады, глядя на меня серыми глазами. Я накинул на него аркан. Опасаясь острого клюва, я затащил его арканом через высокий камень, связал клюв, а правой ногой

нажал на рукоять стального капкана. Слава Богу, сильные лапы не были сломаны, но орел истекал кровью. Умная птица не стала ломать когти, смирилась. Пожалев, я оторвал лоскут от рубашки и перевязал рану. И отпустил орла на волю. Он, словно вздохнув, встал на здоровую ногу и, взмахнув огромными крыльями, оторвался от земли. Он парил в голубом небе, и какую же радость я испытывал в эти короткие минуты! Господи, это была его стихия, а дальше, на верхушке скалы, были его птенцы!

Говорили мне предки: орел – друг мужчины, не поднимай на него ружья, когда-нибудь он поделится с тобой добычей. И это “когда-нибудь” настало на следующий же день, сбылось на моих глазах! Честное слово. Как обычно, я шел за отарой, и внезапно окотилась овца. Ты же знаешь, мы во время окота особенно зорко следим за лисицами, которые так незаметно подкрадываются – не успеешь глазом моргнуть, а новорожденного ягненка уже утащили. И чуть было я не проглядел. Услышав бляенье овцы, поспешил вниз по ложбине, и только заметил, как что-то красное, как пламя, взметнулось в воздух над мокрым ягненком! На бегу я увидел скачущую по белому снегу черную тень, да повисший в воздухе длинный лисий хвост... Я и обрадоваться не успел, как орел, будто нарочно, уронил лисицу с 50-60 метров высоты, и она, мертвая, упала прямо передо мной.

Да, это был тот самый орел, которого я накануне отпустил на волю. Удивительно, как мудро он расплатился со мною за свою щедрость. Такого не бывает в наше время даже между людьми. От радости и удивления я заплакал. Солнце будто засмеялось. Овца мирно лизала ягненка, от него шел теплый пар.

В то время русские люди за лисью шкуру давали два мешка муки. Это была хорошая цена. Одного мешка нам хватало на два месяца. А за второй мешок я выменял у своего дяди годовалого жеребенка. Вот она, моя орлица, Савраска, которая уже второй год побеждает на кожуунных скачках на зависть лентяям и шутникам. Первый раз в награду мне дали ружье. Танды не скупится, если его по-хорошему попросить. Волка кормят ноги, а охотника – ружье. Никогда не подниму его на

орла. Правильно говорят, что друг настоящего мужчины – это орел, так завершил свой рассказ мой зять Седен.

В аале нас ждали с нетерпением и радостью старики и дети, которые не смогли сами поехать на хуреш и скачки.

ПИСЬМА — БЕЛЫЕ ОБЛАКА (Новелла)

Жил я тогда в селе, в доме с высоким, как крепостные стены, забором. Я был холост. Вечерами сельские девчата, нарядившись в красивые платья, прохаживались вдоль улицы, словно лебеди по озерной глади. Конечно же, им хотелось пощекотать мое молодое сердце. Мой любопытный взгляд из окна словно распространял некие лучи, высматривая лучшую из них. Не знаю, то ли “крепостные стены” помешали, то ли сама судьба не захотела, но ни одна из них не задела моей души. Главной радостью была передача знаний детям, раскрытие ученикам законов Эйнштейна и Ньютона. Еще одна радость – прекрасная природа тех мест, особенно осенью, когда красота ее не знает границ. Такую красоту я видел впервые: выстроились белые березки, за ними — зеленые кедры, а в центре пламенеют изящные, величественные лиственницы. А третья моя радость – письма, которые шли из большого и далекого города. Эти письма с восторженностью и непосредственностью юной души живо передавали изумительную прохладу вечеренного парка, наполненного музыкой, бурный ритм крупного города, вносили в провинциальную размеренную жизнь стремительный бег времени и рождали в моем сердце надежду. Мой молодой ум, воодушевленный этими письмами, работал вдохновенно. Друзья-учителя диву давались, наблюдая, как я, аккуратно расписав на доске самые сложные законы математики, искусно, словно дирижируя, разъясняю их.

Хоть и сыпалась из меня изобретательность, как из рога изобилия, в одном она не помогала. Дело было так. В моей “крепости” не было почтового ящика. Как в поговорке про сапожника, не имеющего сапог, я – учитель физики, не собрался сколотить себе из фанеры почтовый ящик, и это оказалось моей непоправимой ошибкой.

Однажды, придя домой на обед, я увидел, что между нижними ветвями дерева, служившего одновременно и столбом забора, белеет заветное письмецо, словно пух в старом гнезде. Я, подпрыгнув, с трепетом взял его в руки... О боги! Мокрое! Я высушил намокшее от дождя письмо, но ни одной строчки разобрать не смог. Буквы, растворившись в воде, то разбежались в разные стороны, то сбивались в одну кучу, как ягнята, — словом, ничего не разберешь. На странице расплылся сплошной туман. Я так и эдак вертел письмо, склеивал отдельные обрывки, рассматривал через лупу — чего я только не делал, но оно так и осталось для меня неразгаданной загадкой.

Не напишешь ведь девушке, что письмо попортил дождь, напиши, мол, еще раз. Стыдно как-то.

Наконец я смастерил себе ящичек, не хуже фабричного. Жду, а писем нет. Придя домой после уроков, первым делом я с нетерпением открывал ящик — пусто.

Через некоторое время, сделав вид, что никакого письма не получал, я написал ей, — почему, дескать, писать перестала. Но ответ пропал, словно камень, брошенный в воду.

Со временем я все больше и больше стал сожалеть о тех прекрасных осенних днях, о столь дорогом для меня письме. Однажды за шахматной партией я не вытерпел и выложил все, что было на душе, старому учителю.

— Если там было всего несколько слов, то, наверное, ты проиграл во времени, — задумчиво сказал он.

Весь вечер не шли у меня из головы слова старого учителя, заставляя волноваться все сильнее. "Ведь время — как течение реки... Что же он хотел мне сказать? Какие слова могла написать Надя? Допустим, "Прилетай скорей". Два слова. Всякое могло случиться с человеком далеко от дома. Или какой-нибудь жизненно важный вопрос надо было решать." Я вспомнил, как сквозь линзу высвечивалась единственная различимая буква "л". И почему я сразу не посоветовался с учителем... С тех пор прошло уже два месяца. За это время уже и море вытекло бы.

Таков бег времени, текла-текла, да и покрылась льдом Аян-Хем. Пришел Новый год. Истосковавшееся сердце не выдержало, и во время каникул я полетел за Саяны. В иллюминаторе проплывали мимо белые, как вата, облака, а грудь сжималась от боли и волнения.

Письма, письма, белые облака, тайна судьбы.

Томск, окутанный сказочной зимой, встретил метелью. Расспрашивая прохожих, я разыскал медицинский институт. Пугаясь в душе встречи с Надей, я все же вошел в здание и, как на счастье, в фойе встретил землячку Серин. Поговорили.

— Я с Надей в одной комнате живу. Она писала тебе, чтобы ты приезжал, а ты как в воду канул. Ей было тогда очень трудно, нужна была твоя поддержка. Я ей посоветовала тебя вызвать. Если бы ты знал, как она страдала, что ты не едешь...

Последние слова она произнесла с дрожью в голосе. У меня внутри что-то оборвалось.

— Она даже сердилась: "У учителя с высшим образованием, наверное, невест полно. Что ему я? Он на родине и давно все забыл". Через месяц у нее появился парень, приехал одноклассник из армии. Потом они стали близки.

Стали близки... Эти слова окончательно все объяснили. Вопросов больше не было. Я не мог не подивиться проницательности старого учителя: "Наверное, ты проиграл во времени"... Как я сам не догадался тогда, не прилетел сразу, не объяснил, не рассказал правду? Судьбу решило одно письмо.

— Что делать. Так вышло. Не говори ей, Серин, что я был. Я немного поброжу по городу и поеду обратно.

— Ты не получил того письма?

— Дождь его попортил. Не смог прочитать. Надо было сразу телеграмму отбить, да постеснялся. Учитель физики, называется...

— А у конструктора должен быть личный самолет, значит?

— Примерно так. Что теперь. Поздно уже.

Снова лечу над Саянами. Снова навстречу плывут белые-белые облака.

Письма – белые облака,

Судьбу мою закрывшие облака.

А сколько писем несет этот самолет! Они тоже решают чью-то судьбу. Их тоже может испортить дождь или унести ветер. Облака могут подарить счастье, а могут его лишить. Так и письма.

Письма – белые облака.

Счастье подарите, облака.

ОХОТА НА ТАЙМЕНЕЙ

(отрывок из автобиографического романа "Звезда над Танды")

Предисловие редакции:

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывок из автобиографического романа одного из неординарных, ярких, стоявших у истоков современной Тувы, людей. При чтении этого, несомненно, ценного с литературной точки зрения произведения, не следует, однако, забывать, что мы имеем дело именно с литературным трудом, не претендующим на доскональную историческую достоверность.

... В 1936 году я снова написал заявление в ЦК ТНРП на имя Салчака Токи, прося отпустить меня в СССР на учебу, в Киевский медицинский институт.

Тока мне не ответил. Вместо него ко мне на работу пришел инструктор ЦК Базыр-Сат, попытался успокоить, мол, "ты еще молод, успеешь выучиться". Мне было обидно. Я чуть было не наговорил ему дерзостей, но сдержался. За годы сиротства и батрачества я научился подавлять в себе лишние эмоции, а чутье подсказывало, что Базыр-Сата подослали ко мне специально, чтобы прощупать мою лояльность к группировке Чурмита-Дажи, председателя Правительства ТНР.

Я работал тогда зав. отделом ЦК Ревсомола Тувы. В те годы только-только начинали тотально "чистить" ряды партии и комсомола от "прорвавшихся к власти байских и феодально-теократических элементов и их приспешников". Я сожительствова с Кертик. Она была родом из Чадаана. Однажды в комитете Госбезопасности мне уже указывали на "недозволенность создания семьи с антиклассовым элементом".

И вот Базыр-Сат тоже "нажимает" на эту мою мозоль, почти требует: "Да брось ты ее, иначе никуда не уедешь. Не дадут тебе возможности даже дышать..."

Ховалыг Базыр-Сат был моим лучшим другом после Чооду Кидиспя. Но тот учился на летчика в Оренбурге. До его приезда оставался целый год.

— Что мне делать? Я действительно люблю ее. Ты же знаешь, как я вырос: в голоде, холоде. А теперь вот эту самую русскую

баню, где я живу, она превратила в дворец. Мне так уютно и хорошо стало. Как будто вернулась моя покойная мама.

— Знаю, Бадра, знаю. Мы с тобой прошли почти одинаковый путь. Вот, чтобы эту тяжелую дорогу другие не повторяли, мы боремся против остатков недобитой феодальной системы. Пойми это. Если бы не революция, вот эта твоя... любовь была бы замужем за феодалом. Думай, умник. Любовь... — Базыр-Сат стучал кулаком по столу и злился не на шутку. — Всему есть предел... Потом, немного успокоившись, уже негромко сообщил:

— Я же ради тебя стараюсь. Тебя выдвигают на должность 1 секретаря ЦК Ревсомола. Вместо Каванчапа. Его снимут.

Я насторожился. Базыр-Сат сообщил мне то, чего я больше всего боялся. Не надо было мне никакой руководящей должности — время было очень опасное, в мире бушевал огонь войны, люди друг на друга смотрели через прицел орудий. В Туве, я чувствовал, созревает крупная "драчка" за власть. Я боялся быть втянутым в эту бойню.

— Но ты, Бадра, у нас герой Тере-Хольского сражения, кавалер ордена республики. Ты, только ты сможешь сплотить молодежь вокруг партии, вокруг Токи... Кстати, ты ему веришь? — спросил вдруг Базыр-Сат.

— Конечно, о чем речь, — удивленно посмотрел я на него.

— Да нет, что ты так реагируешь на имя Токи. Я, кстати, его и не боюсь. Однажды даже повздорили из-за бабы, русской.

— И что потом?

— А ничего. Ладно, Бадра, брось все сантименты с байской дочкой и готовься вечером на рыбалку. Сам Тока тебя приглашает.

— Тока? Сам?

— Да, Тока. И не будь дураком, Бадра. Не строй из себя рыцаря и не финти, понял? Ты знаешь, он не любит лизоблюдов, но и верблюдов, и волков тоже не любит.

— Что с собой взять?

— Резиновые сапоги, удочки, бушлат или шинель, немного провизии и обязательно свою умную голову. Чтобы она и далее сидела на плечах.

— Понял.

— Ну все, до вечера. Подходи к 18.00 к парому.

...Я издалека заметил "Форд" Токи, стоявший на берегу, чуть ниже парома. Я заспешил, но не мог быстро идти, раненая на Тере-Холе нога еще не совсем зажила, давала о себе знать, кости срослись криво и сидел там на стыке свищ... Нас было четверо: Тока, Базыр-Сат, Товарищтай и я. В воде стояла большая деревянная лодка, в ней весла, багры с острыми крючками, посуда, огромная военная палатка.

— Ну, здравствуй, Бадра! Вроде быстрее стал ходить. Хотели уж за тобой машину слать, — встретил меня Тока. Я со всеми поздоровался за руку.

— Да вот спешил, но все же опоздал на три минуты. Прошу прощения, товарищ Тока.

— Ваши часы, Бадра, как всегда, идут на три минуты вперед. Вы пришли вовремя.

Да, у меня была такая привычка, еще с армии, ставить стрелки на три минуты вперед. Этому научил мой командир Виталий Сибиритов. И на этот раз совет Сибиритова мне помог. Но откуда мог знать об этом Тока? Впрочем, он все знал и помнил.

Все сели в лодку. Последним, оттолкнув лодку, запрыгнул Товарищтай. Базыр-Сат сидел за веслами и мощно греб на середину Енисея. Тока рулил недлинным веслом, сидя на корме.

Ранняя осень. На берегу то там, то здесь среди зеленых еще тополей виднелись золотые березы. Волны бились о борта лодки, чавкали и брызгали на нас капельками воды. Солнце уже опускалось на горы Ээрбек и Лама. Дышалось легко и свежо, в лицо светило солнце и дул прохладный ветерок. Все молча дивились красоте гор, Енисея, берегов.

Вдруг Базыр-Сат перестал грести и лодка легла в дрейф.

Только Тока слегка рулил своим веслом.

— Ну, с чего бы начать... — сказал Тока. — Вот я, Базыр-Сат и Товарищ (так он его называл), все трое выросли у большой реки, все, так сказать, матросы, рыбаки и пловцы. А Бадра тесхемский, степняк. Если что, надо будет его спасать, пойдет на дно, как топор, — рассмеялся Тока, шлепая по воде веслом.

Я вполне понимал, что говорит он иносказательно. Базыр-Сат подмигнул мне, мол, отвечай.

— Я, товарищ Тока, тоже вырос у большой реки Узун Тес-Хем, плавая наперегонки с утками, — пролепетал я.

— Ну, хорошо, значит, здесь все матросы.

— Выбираем вас боцманом, — пошутил Товарищтай.

— Голосуйте! Кворум есть, — отшутился Тока. Мы подняли руки.

— Единогласно. Спасибо за доверие. Тогда открываю собрание. Слушайте внимательно, мои матросы.

Мы не понимали, что затеял Тока. Но эта рыбалка была очень не простая. Она походила на прелюдию большой "симфонии"... И мы стали напряженно прислушиваться к его словам.

— Как я сказал, мы, восточные тувинцы, решили навсегда связать свою судьбу с Россией, русским народом. Среди нас нет хемчикцев. Но хемчикцы во главе с Сат Чурмит-Дажи хотят взять власть над всей Тувой. Прогнать русских, установить связи с Гоминь Китаем и Японией. Это правда. Недавно люди Чурмит-Дажи тайно встречались на том берегу Енисея, возле стыка Каа-Хема и Бий-Хема у Субурги. Там они праздновали взятие японскими войсками Наньдиня, древней столицы Китая. Там же Чурмит-Дажи грозился уничтожить меня руками спецслужб, как "главного вожака восточных тувинцев, русскую марионетку". Затем он во время празднования 1 мая подходил к представителю Коминтерна Сафьянову и просил через Москву уничтожить меня, предлагал взятку. А в глаза, официально он называет меня "сыном", "преемником"... Довольно! Это неслыханное лицемерие. Поэтому я и пригласил вас на эту рыбалку. Я знаю вас досконально и мнения вашего не спрашиваю. Вы должны выполнить свой долг перед народом. К власти лезут опасные, непредсказуемые экстремисты. Вы должны быть рядом со мной и не бросать меня в трудный час.

Внешне Тока был спокоен. Его глаза блестели и смотрели куда-то вдаль.

— Я знаю, они замышляют мою смерть. Выбора нет. Они уже уничтожили Буян-Баторху, Куулара Дондука, преследовали Шагдыржапа. Они на нет сводят великие дела восточных тувинцев — Оюна Курседи, Оюна Кижир-оола, Булчуна, Чульдума, Данзы и других, на первый план выдвигая только хемчикцев.

Смеркалось. Базыр-Сат повернул лодку к берегу уже недалеко от Оттук-Даша. На суше срубили из тальника двухметровые палки, привязали проволокой к одному концу тряпки, вату из старых солдатских фуфаек, обильно смочили в соляркемазуте, сделали несколько больших факелов. Когда совсем стемнело, поехали на лодке вдоль песчаного берега. Зажгли факелы. На носу лодки встал Тока с длинным багром. Базыр-Сат стал медленно грести. Мы с Товарищтаем по бокам лодки светили.

Вдруг Тока насторожился. Мы напряглись, затаив дыхание: На берегу, наполовину высунувшись из воды, лежала большая рыбина с черной спиной, блестя в свете факелов. Тока быстрым и точным движением вонзил острие багра в голову рыбы. Та два раза дернулась, сильно ударяя хвостом по воде, забрызгала нас, и стихла. Тока был сильный, он, крикнув, поднял и перенес через нас рыбину, бросив ее на дно лодки. А весила она не меньше 15-16 килограммов. За эту ночь возле Оттук-Даша мы добыли 12 больших тайменей. Оказывается, эти рыбы ночью вылезают из воды на теплый берег и греются на песчаной отмели. Была грандиозная уха. Рыбы наелись до отвала. Под утро пошел дождь. Мы поставили палатку и рыбачили на удочки.

Клева не было. К полудню приехала машина Токи и еще одна от МГБ, которую послали за Товарищтаем. Все удивлялись и восхищались удачной рыбалкой. Когда прощались в Кызыле, Тока поделил добычу поровну, показал на рыбину, сказал:

— Они очень хищные. Их надо только так ловить. Вы поняли, о чем я говорю?

Через месяц на очередном съезде ревсомола Тувы меня единогласно избрали секретарем ЦК Тувинского революционного Союза молодежи. Моя мечта поехать на учебу в СССР не сбылась. А Кертик, сама все поняв, ради меня уехала домой в сумон Чадан. Впереди была опасная борьба.

*Перевод Игоря Иргита.
Публикуется с сокращениями.*

ВОСЬМАЯ СЕДЛОВИНА

Когда Маганбай узнал, что его сосед Сарыгбай на своем знаменитом скакуне Чугурук-Хурене сорвался в пропасть, он испытал удовлетворение. Это чувство было неожиданным, и он даже как-то растерялся: Маганбай никогда и ни в чем не завидовал Сарыгбаю. Наоборот, все соседи завидовали самому Маганбаю: он жил в достатке и изобилии, был женат на девушке другой национальности, чем очень гордился. Оттого и держал себя важной персоной. Сколько у него кругом знакомых, какие связи! Его везде принимают, все он может достать. Предан жене, воспитывает прекрасных детей. Честно наживает богатство и счастлив, убаюканный ласками милой супруги. Да, живет только собой, но никому не мешая, без черных мыслей, как все открытые душою люди. Все у него есть, казалось бы, чего еще надо, живи, наслаждайся. Но сегодня впервые в жизни он остро ощутил, что не был до конца счастлив. И причина этого заключалась в Сарыгбае. Гордостью Сарыгбая и его единственным богатством был жеребец, унаследованный из племенного табуна, принадлежавшего его роду на протяжении многих поколений. На своем Чугурук-Хурене Сарыгбай открыл для людей две неприступные горные седловины - шестую и седьмую. Пять седловин были уже давно освоены его предками. У Маганбая, хотя богатства и лошадей было в достатке, не было такого коня. Как-то он попытался на довольно хорошем жеребце покорить одну седловину, но конь не осилил крутизны подъема, споткнулся и упал, а Маганбай в ярости избил его камчой до полусмерти. Сгоряча Маганбай не придумал значения какому-то неясному ощущению, возникшему у него в тот момент. Только потом, когда было уже поздно, он догадался: это, наверное, и был дух-охранитель горных седловин, Баалыктай. Уберечь от его злой напасти мог только очень сильный, быстрый, преданный конь, который способен бесстрашно пробиваться сквозь невидимое сопротивление духа-хранителя. Но конь Маганбая не смог этого сделать, а всадник не поддержал его. В минуты ярости Маганбай оказался беззащитным и Баалыктай легко проник в него. С тех пор злая сила время от времени напоминала

о себе невыносимой головной болью, отдававшейся мучительным стуком в висках: тун-тан-тик, тун-тан-тик, тун-тан-тик...

Смерть Сарыгбая неожиданно связала эту боль и какую-то внутреннюю опустошенность Маганбая, которую раньше он не осознавал и которая, как оказалось, была глубоко скрыта в нем. Ему вдруг стало отчетливо ясно, что теперь он не сможет больше жить с этой болью в голове и пустотой в сердце. Он должен победить ее любой ценой. Накануне того злосчастливого дня Сарыгбай, не предчувствуя беды, оседлав Чугурук-Хурена, каракового скакуна, усадив впереди себя младшего сына Чеченбая, ездил по аалам, чаевничая и ведя долгие, спокойные беседы с чабанами. Когда он ехал по Барлыктыгской степи, вдоль маленькой речки, он нежно ласкал сына, вдыхая детский запах его волос, испытывая при этом блаженство. Вдруг Чугурук-Хурен слегка вздрогнул всем телом, остановился и наострил уши. Где-то вблизи послышалось лошадиное фырканье. Из тальниковых зарослей на берег выдвинулся косяк лошадей и стал пастись рядом на зеленой лужайке, с хрустом пережевывая сочную траву. Один жеребенок, потихоньку подойдя к жеребцу с всадниками, осторожно протянул голову и, шевеля ноздрями, вдыхал незнакомый запах, рассматривая пришельцев. Но тут же пустился наутек и, обежав табун, приблизился с другой стороны. Сарыгбая казалось, что он раньше где-то видел такого жеребенка. Да, девять лет назад, когда только появился на свет Чугурук-Хурен, он был почти таким же: когда резвился, то чуть не перепрыгивал через гриву матери, пока та щипала траву. Отец и сын подъехали к юрте, стоявшей возле холмика, на краю луга. Зашли в юрту, поздоровались и прошли на тор — почетное место. Пока пили чай, приехал хозяин:

— О, да это вы! Откуда едете, куда путь держите? Какой мужчина вырос, молодец, и взгляд смысленный, — похвалил он сына Сарыгбая.

— В вашем табуне есть каурый жеребенок. От какого жеребца он родился? — неожиданно спросил Сарыгбай.

— По-моему, от твоего Чугурук-Хурена, — насторожился Торгундай. — Думаю, так. Прошлом лето он ведь провел с моим табуном на островах.

— Странно, до тех пор он ни разу не ожеребил кобылу.

— Нет, это точно его жеребенок, вернее, кобылка. Вот и думаю, неужели и у меня будут ваши племенные лошади, которых растили семь поколений твоих предков? — смущенно спросил Торгундай.

— Действительно, странный случай. Если ты прав, кобылку следует передать нам. Я уж думал, потомство прервется, а тут такой случай.

— Ну смогу ли я отдать вам своего жеребенка? Вот вы сможете отдать мне Чугурук-Хурена?

— Сердце у меня в последнее время стало пошаливать. Неспроста это. Хорошо, пусть восьмая седловина будет твоя, а жеребенка отдашь моему сыну.

— Что?! Восьмая седловина... моя?! — У Торгундая радостно перехватило дыхание.

Вернувшись к вечеру домой, Сарыгбай привязал Чугурук-Хурена к коновязи, закрепив узду за переднюю луку седла, чтобы за ночь выстоять лошадь к предстоящему трудному переходу через восьмую седловину. Уже лежа в юрте, он до мельчайших деталей вспомнил свое восхождение на седьмую седловину. Он понимал, что дело — в Баалыктае. Сарыгбаю казалось, что один раз этот невидимый дух все же явился ему: текучая белая масса, закручиваясь, словно смерч, поглощала все на своем пути, и при этом она что-то пугающе приговаривала страшным шепотом. Сарыгбай постоянно ощущал на себе устремленный неизвестно откуда, пронзительный дьявольский взгляд, и от охватившего его тогда жуткого чувства чуть не потерял сознание. Спасение пришло неожиданно: Чугурук-Хурен попятился словно от сильного ветра, но устоял и не дал упасть хозяину, а в следующий миг, когда Сарыгбай ухватился за гриву, рванулся вперед и перенес в безопасное место.

Погода испортилась. Всю ночь напролет безумствовал ливень, то там, то здесь ослепительно сверкали вспышки молний, до рассвета рокотали раскаты грома. Утром, увидев вышедшего Сарыгбая, Чугурук-Хурен фыркнул, замотал головой и загарцевал на месте. Никогда жеребец не был так красив: резко очерченная форма головы с квадратными выступами, острые уши, длинный стройный торс, ноги с прямыми аккуратными

копытами, крутой круп. В глазах его играли зеленоватые огни. Солнце поднялось выше. На небе — ни единого облака. Станным казалось то, что поднявшись из Балыктыгской степи, белые существа, словно кипящие пузырьки, сверкая в солнечных лучах, моментально улетели и исчезли за вереницей гор. Сарыгбай вздрогнул. Вспомнив услышанный ночью шепот Баалыктая, он понял, что эти существа тоже были посланы духом. С чего это у Чугурук-Хурена колышется грива? И гулко бьется сердце Сарыгбая? Неспроста это странное появление над степью посланников Баалыктая и зеленые огни в глазах жеребца. Что все это предвещает? И жеребец, и хозяин понимали и предчувствовали будущее. Вдруг под ногами человека раздался глухой шум, кольнуло сердце, и послышался страшный могучий шепот: "Ну, где же ты, что с тобой, Сарыгбай? Ну, иди, я жду тебя!" Чугурук-Хурен, встав на дыбы, чуть не вытащил коновязь из земли, дико заржав, в бешенстве стал бить копытами. Затянув подпруги, Сарыгбай сел на коня, и тот, словно только и ждал этого, стремительно полетел в сторону седловин. Когда они достигли вершины седьмой седловины, впереди, на недостигаемой высоте, среди черных туч и серого тумана показалась, гладко сверкая и искрясь, восьмая. Перед ней, на самой вершине и немного сзади в свете солнечных лучей на миг, словно только для того, чтобы обнаружить себя, мелькнули и вновь стали невидимыми три прозрачные, веющие холодом стены, соединившие землю с небом.

Сарыгбай остановился: вот оно, самое трудное. "О предки мои, помогите своему бедному сыну, я ваш потомок, потомок седьмого колена, говорю с вами, я прошу у вас пощады и молю вас — дайте мне силу, способную победить черных духов! Предки мои, мудрые аксакалы, будьте снисходительны, я, ваш бедный внук, говорю с вами, дайте мне сил, помогите!"

Неспешным шагом Сарыгбай поехал вдоль хребта к высокой горе. Он знал, что главное — беречь силы, и коня, и свои. Чугурук-Хурен легко прошел первую стену и поскакал дальше. Стена сзади рассыпалась на множество мелких осколков, которые тут же растаяли. Дорога стала еще круче. И опять началась буря. Чем ближе становилась вершина седловины, тем сильнее закипала буря, а силы жеребца заметно убывали. До

вершины оставалось совсем немного. Где-то совсем близко — вторая стена. Сарыгбай поторопил жеребца, и тот ускорил шаг, но вдруг, ударившись головой о что-то, поскользнулся. Когда он с усилием выпрямился, Сарыгбай повернул его назад и, поднявшись на соседний склон, с разбегу пустил жеребца рысью на невидимое препятствие. Чугурук-Хурен с трудом пробил стену, но, не сделав и трех шагов, пошатнулся, упал и стал скатываться вниз, по ту сторону седловины. Сарыгбай успел почувствовать, что они с жеребцом снесли третью стену, но тут перед глазами появилось громадное тело Баалыктая, и в тот же миг Сарыгбай, успев заметить его растерянный взгляд, столкнулся с ним. Раздался оглушительный грохот. Когда Сарыгбай очнулся, то увидел закатившиеся глаза жеребца и струйки крови, вытекавшие из его ноздрей. Пальцы Сарыгбая, вцепившиеся в гриву, порезались. Пересилив боль, он подтянулся к голове Чугурук-Хурена и крепко обнял его за шею. Ослепительно вспыхнул свет, затем внезапно наступила темнота, и Сарыгбай с жеребцом проглотила огромная пасть бездонной черной пропасти.

* * *

Торгундай сидел на восьмой седловине и курил из длинной таволжьей трубки. Взгляд его был направлен далеко за горизонт, в бескрайние степные просторы, на дремучие, богатые зверем и птицей таежные леса, на распростертое за лесами безбрежное море. Все это так радовало взор Торгундая, что чувство душевного покоя и умиротворения не покидало его, и он, не отрываясь, все смотрел и смотрел на эту прекрасную землю...

На солнечной стороне седловины пасся косяк лошадей. Возле него, охватив каурого стригунка за шею, ласкал его мальчик, улыбаясь теплым лучам...

Из-за дальнего холма показался всадник. Приблизившись к восьмой седловине и увидев Торгундая, табун лошадей и мальчика, он остановился неподалеку, но через мгновение, яростно стегнув коня, истошно вскрикнул и стремительно поскакал за синие, покрытые маревом вереницы гор, в сторону девятой седловины. Это был Маганбай.

СХВАТКА

(Рассказ)

Чечек-оол, как только в школе закончились занятия, приехал на летнюю стоянку чабанов, чайлаг, к дяде Кончапу. Не скажешь, что дяде полвека: он всегда казался ловким, сильным, а в седле держался удалым молодцом. Чечек-оол помогал ему пасти овец и часто слышал от него захватывающие охотничьи рассказы. "Осенью будем стрелять дичь, — говорил дядя. — скучно пасти этих глупых овец".

Все лето ждал Чечек-оол, а однажды на его исходе случайно подслушал, как дядя Кончап говорил жене:

— Завтра утром иду к Хаттыг-Тайге. Посмотрю. Там места подходящие для охоты.

Загорелся Чечек-оол, не выдержал, стал просить:

— Возьми меня с собой, дяденька, я учиться у тебя буду, во всем слушаться...

Дядя сжалился. Но мальчик все же боялся, что он передумает, и ныл, пока не заснул:

— Рано-рано разбуди меня, тетя! Рано-рано!

Ночью Чечек-оолу приснилась сама Хаттыг-Тайга. Будто идет он по крутому склону со старой дядиной берданкой. Вдруг из-за кустов у высокой скалы выскакивает огромный бурый медведь, кивая страшной головой. Чечек-оол бросает ружье и бежит, крича: "Ава-а-а-й! Ма-а-а-а-м-а!" А медведь, глядя вслед, раскрыв кровавую пасть и скаля огромные клычищи, хохочет на всю тайгу: "Хо-хо-хо! Ну и охотник Чечек-оол!"

Чечек-оол никак не мог убежать, зажимал уши ладошками, чтобы не слышать этого страшного хохота, и сам все кричал: "Ава-а-ай!"

— Что с тобой, сынок? — разбудила его тетя. — Вставай, дядя уже собирается.

Сердце Чечек-оола колотилось, как у загнанного коня, он был весь в поту и испытывал такую слабость, что не мог подняться. А дядя вышел в птичий рассвет и оседлал гнедого. Потом вернулся, позвал племянника, они плотно поели и напились солоноватого чаю с молоком.

И вот Чечек-оол сидит на гнедом у дяди за спиной и тревожно следит, как движется им навстречу скалистая гора Хаттыг-Тайга. У подножия Кончап привязал гнедого под ветвистой лиственницей, поправил патронташ и повел Чечек-оола вверх по узкой извилистой тропе. Довольно долго шли, пока не попали на поляну, похожую на маленький коврик, окруженную голыми синими скалами. Стали выматривать добычу. Но разве звери выйдут на голое место по щучьему велению? Ничего не видать. Пошли дальше, еще выше, к самым высоким скалам.

Вдруг дядя повернулся к Чечек-оолу, шепотом приостановил его: "Т-с-с! Тише!" И показал на большую скалу. Чечек-оол увидел рыжего зверя с двумя острыми и загнутыми назад рогами, похожего на домашнего козла. Дядя дал знак: "Садись!" – а сам, взяв ружье наизготовку, стал подкрадываться к козлу.

Животное стояло на вершине скалы меж двух камней, похожих на коровье вымя, на краю отвесного утеса. Далеко внизу темнел лес. Чечек-оол, то приседая, то легко и бесшумно вскакивая, так же, как дядя, приближался к козлу на расстояние выстрела.

Козел, озирая далекие долины с высоты скалы, встречал выходящее из-за гребня горы утреннее солнце. Свежий ветерок струился в его шерсти, – животное наслаждалось утренней прохладой. Как он заметит, что к нему подкрадывается смерть? А ветерок дует с открытого пространства, он чист и не говорит об опасности.

Кончап уже перекрыл путь зверю. Взял козла на мушку, но спохватился: стрелять, когда добыча над зияющей пропастью, а внизу темный лес, нельзя! Не достать потом. Пропадет. Вот если пропустить его мимо и ударить по нему сзади, когда он выскочит на поляну... Погоди, не так! Зачем тратить пулю, куда он денется? Поймать его, как домашнего козла, и перерезать аорту. В голове у Кончапа промелькнули юные, дерзкие мысли. Когда-то в молодости, вдруг вспомнилось ему, не раз удавалось незаметно подобраться к косуле и убить ее без выстрела. "На единственной дороге я сижу, у него один выход – идти напролом, вот тут я его и..." – думал Кончап, поглядывая на свои сильные, жилистые руки и, веря их стальной хватке, улыбался.

Завороженный думой, он оставил ружье, вытащил из больших ножен блестящий нож и пошел на козла, чувствуя в руках и ногах такую же крепость, как в скале, по которой ступал.

Тут козел оглянулся, вздрогнул от неожиданности, будто недоумевая: что случилось? Он медленно повернулся и смотрел в растерянности: его единственную тропку преграждал человек, и выйти из этого "мешка" можно, только нападая. Надо драться насмерть, чтобы вырваться на тропу.

Они встали друг против друга, как быки, чтобы померяться силами, глядя выжидающе и исподлобья. Козел показывал рога, покачивая ими, а охотник выставил вперед напряженные руки – в правой руке в лучах утренней зари поблескивал большой нож. Охотник взмахнул им, но козел успел отпрыгнуть, и рука ударила по пустому месту. Тотчас козел бросился на охотника и тот получил сильный удар в грудь. Чтобы не опрокинуться на спину, охотнику пришлось схватиться обеими руками за рога. Нож выпал. Шансы уравнились. Человек и зверь начали бороться, то у самого края обрыва, рискуя сорваться и утянуть за собой противника, то на тропинке. Извечная борьба, борьба за выживание.

Кончап норовил свалить козла на спину. Но одного желанья мало. У самца была осенняя упитанность – широкая спина заплыла жиром, был он рослый, молодой и напористый. Но человек хитрее. Он стал поднимать козла за рога, лишил опоры его передние ноги, а под задние поставил подножку, совсем как заправский борец. Так делают хурешисты – богатыри национальной борьбы. Кончап приемом хуреша свалил козла наземь.

Охотник отдышался и потянулся за ножом, который валялся неподалеку. Но не тут-то было. Козел, словно ждал этого момента, круто вывернулся, сбросил с себя седока, и был бы таков, но охотник, падая, успел все же ухватить его за заднюю ногу. И после долгой схватки сумел-таки снова взять его за рога. Долго еще боролись два "хурешиста", оба устали и высунули языки, оба жадно хватали воздух. Вдруг, казалось бы, изнемогший козел изо всех сил ударил Кончапа рогами "под ложечку". Только успев воскликнуть: "Ты что?!", охотник зашатался, медленно отпустил добычу и, скрюченными от боли пальцами сжимая грудь, привалился к камню.

Тем временем козел, покачивая грозными рогами, будто еще не веря, что победил в поединке, косо и исподлобья смотрел на поверженного охотника. Казалось, он решил добавить сопер-

нику, которому и без того досталось. Кончап замер, ожидая удара. Но козел оказался благородней: брезгливо посмотрев на незадачливого человека, пошел, не оглядываясь, по свободной тропе.

Всю схватку Чечек-оол видел из-за уступа скалы и даже не помышлял кому-нибудь помочь. Когда победитель гордо прошел мимо, неся утренние лучи на пылающей шерсти, его красивый силуэт вызвал у мальчика чувство восхищения и даже какой-то солидарности. Однако, очнувшись от завораживающего видения, он схватил дядюшкино ружье и, закрыв от страха глаза, направив дуло в небо, нажал на курок. Раздался гулкий выстрел. Козел отпрянул, застыл, словно соображая – не убит ли? А мгновением позже скрылся в зарослях.

— Ну как? – хрипло спросил у него Кончап. – Попал?

Мальчик ничего не ответил: он впервые в жизни стрелял из ружья, и сидел потрясенный и растерянный. Слегка болело плечо от удара приклада. А дядя Кончап был бледный, грязный пот стекал по усталому лицу. Он чуть не плакал от стыда, ведь охотнику не пристало плакать от боли.

Ну ладно, пошли домой, — устало скомандовал он, стряхивая с одежды пыль. – Жаль. Такое мясо упустили. Совсем я, видать, старый стал, Чечек-оол... Не гожусь больше один на один. Тьфу, черт бы побрал этого козла, ишь, какой наглец! Нокаутировал ведь! Каков козел, а?! Пойдем, мальчик мой, наши глупые овцы, наверное, уже давно на дальнем пастбище...

Перевод Петра Пыталова.

Вячеслав БУЗЫКАЕВ

ЖИВИ-ЗДРАВСТВУЙ, МИЛОЧКА!

(Рассказ)

— Ну так как? – повторила вопрос доктор. – Будем оформлять как отказника сейчас или недельку погодя?

Главврач строго глянула поверх очков на пациентку. Та даже не шелохнулась, продолжала играть в молчанку, упорно не встречалась взглядом, что-то потаенное переживала в себе. Лишь раз за время беседы обычная угрюмость в ее облике уступила

место некоей просветленности. Главврач поняла перемену в настроении по-своему:

— Ну вот, давно бы так, а то...

— Что я хочу сказать, Наталья Сергеевна, — разомкнула, наконец, губы Селиверстова. Голос ее был по-девичьи звонким, грудным, ласкающим слух. — Что я хочу сказать, — повторила она. Какое-то время помолчала, словно прислушиваясь к себе, затем решительно тряхнула короткой челкой волос: — Ни через недельку, ни через месячишко, ни через годик. В общем, выпишите нас!

— Вот те раз!

Главврач сняла очки с носа, вперила взгляд в молодую мамашу, долго внимательно разглядывала ее, будто видела впервые. А ведь и в самом деле — впервые. Все как-то не хватало времени получше рассмотреть пациентку и вот...

“Да она ведь красавица! — сделала неожиданное открытие Наталья Сергеевна. — Словно роза... на помойке”.

Сравнение это не могло прийти ниоткуда, родиться из ничего, и на то были веские причины.

...В полночь в роддом тихо постучали. И раз, и два. Через какой-то промежуток времени — снова. Будто мышь скреблась в дверь. Санитарка, прикорнувшая на диване в вестибюле, нехотя поднялась и, подавляя зевоту, подошла к двери:

— Кто там?

— Это я, откройте ради Христа, — глухо, сквозь стон, донеслось с улицы.

Санитарка была не робкого десятка, но все же оповестила медсестру. Посовещавшись, решили открыть дверь. В свете наружного фонаря увидели на ступеньках крыльца странное взлохмаченное существо — не то собачонка, не то подросток, не то старушонка. Существо ритмично раскачивалось из стороны в сторону, непрерывно скуля при этом. Обе женщины давно числились за роддомом, и потому, едва приглядевшись, поняли что к чему. Подхватив подмышки, они втащили ночную посетительницу в вестибюль, ноги ее при этом беспомощно волочились по полу.

От гостыи, женщины неопределенного возраста на сносях, разило давно немывтым телом. Санитарка и медсестра, не сговариваясь, провели — протащили ее в ванную. Но едва

включили душ, как той совсем стало плохо. С грехом пополам кое-как управились и уже на коляске покатали бомжиху (кто же еще мог быть в таком неприглядном виде?) в родильное отделение.

Дежурила в эту ночь Сама. На ходу отдавая короткие приказания, она тут же приступила к делу. Обычному для нее как врача и необычному для той, что пожаловала в роддом в столь неурочный час. Впрочем, главврач уже давно выявила странную закономерность: полночицы рожают легко и, как правило, здоровеньких мальчуганов.

У этой, однако, сразу все пошло наперекосяк. И помыть ее, как следует, обрядить в чистое белье не успели, и плод пошел не головкой вперед, а ножками. К тому же у роженицы открылось обильное маточное кровотечение. Не успев разродиться, она испустила дух. Было от чего прийти в замешательство. Длилось оно секунду-другую, а потом все встало на свои места — согласно четким приказаниям доктора. Аппарат искусственного дыхания погнал живительный кислород в легкие роженицы. Медсестра уперлась ладонями в грудь пациентки и принялась ритмичными толчками будить сердце. Главврач решительно приступила к кесаревому сечению. Команда реанимации, вызванная на помощь, дружно занялась необходимой в таких случаях работой. Каждый понимал: секунда промедления грозила обернуться непоправимой бедой.

Ребенок оказался слабеньким, жизнь едва теплилась в нем, и без "инкубатора" никак нельзя было обойтись. Мамаша, едва придя в себя, немигающим взглядом уставилась на доктора: "Где?" Вот и все, что тихим шелестом слетело с ее губ.

— Да здесь он, здесь, успокойся, милочка, — прибегла к обычной словесной вязи Наталья Сергеевна. — Все с ним в порядке. Да и с тобой — тоже. Вот малость еще подштопаем тебя, и живи-здравствуй, милочка!

"Штопать" пришлось обоим месяца два. Можно сказать, с того света вернули. А к чему вернули-то? К нищенскому существованию. Пациентка и впрямь оказалась бомжихой, и на роды-то приползла аж с городской свалки — за десяток километров. Товарки ее в тот вечер на радостях от удачно сбытой звонкой посуды (нестандартной, из-под заграничного вина)

упились вдрызг. Они сами нуждались в медицинской помощи, дабы не окочуриться от "технаря", а уж о их вспомоществовании при родах и речи не могло быть.

Уже и воды пошли, и боль внизу живота час от часу становилась все более нестерпимой. Тогда и решила Селиверстова хоть ползком, хоть боком в пережат, хоть на четвереньках, но добраться до роддома. Не о себе забота погнала ее в полуденный час в сторону городских огней. Об нем! О новом живом существе. Разве его вина в том, что он зародился, созрел в материнском лоне и вот совсем некстати запросился на белый свет? Безгрешная душа, ангелочек, новорождающийся раб Божий — ему ли ведомо, сколь темен белый свет?!

Досталось испытаний обоим. Едва вдохнул воздух в первый раз — тут же и задохнулся им. А она сама — еще раньше. Спасибо докторам, не дали помереть.

За два месяца, что они пробыли в роддоме, никто не пришел их навестить. Никто не поинтересовался, как они и что с ними, нужно ли чего?

Много чего нужно. Сперва обоих следовало откормить как следует, поднять на ноги. Медперсонал проникся особой заботой о божихе и бомжонке. "Ешь! — чуть ли не силком пихали в рот мамаше сладости, фрукты, грецкие орехи. — Не о тебе печемся, о чаде твоём".

Лукавили. И о ней, конечно, тоже заботились.

В приемный покой поступила — кожа да кости, а к выписке поправилась, округлилась лицом и телом, волосы на голове закурчавились, и лишь челка упрямо свисала на лоб прямыми прядями.

В какой-то день чуть ли не весь персонал пожаловал в гости к мамаше. С цветами, шоколадом и кагором.

— Ну вот, милочка. Сегодня ровно месяц твоему малышу. Прими поздравления! — торжественно объявила Наталья Сергеевна. Огляделась, куда бы положить объемистый сверток: вся прикроватная тумбочка была заставлена гостинцами. Так и осталась стоять со свертком в руках. — Мы тут немного сгнозились на обнову малышу, будет выписать в чем. Кстати, как ты его назвала, милочка?

— Сашок, — зарделась мамаша.

— Александр Селиверстов, стало быть. Ну а отчеством каким наделишь? Кто отец-то?

— Не знаю, — потемнела лицом пациентка.

— “Не знаю”, — передразнила ее доктор. — Хоть под мужика, хоть под паровоз — все одно, что ли? Эх ты, горе луковое! Ну да ладно, не к моменту сказано. Поправляйся, а там видно будет.

Вот эти ее последние слова отчего-то запали в душу. “Что — видно будет? Кому — видно будет?..”

Вспоминалось прошлогоднее бабье лето. И этот черт волосатый! Ненасытная животина! Изъездил всю ее, паразит! Эксплуататор. Едва она возвращалась из города с нехитрыми припасами за мешок бутылок, как мужчина жадно набрасывался на них, а покончив с едой, без малой паузы — на нее саму. И так изо дня в день, изо дня в день. Ей уже тяжело было промышлять стеклотарой, все чаще и чаще наведывалась к мусорным контейнерам в жилых кварталах, подолгу копошилась в них, выискивая съестное.

Полюбовник от бросовой пищи отказался, с ходу переметнулся к товарке Любке, вконец охладел к прежней сожительнице. А Селиверстова и рада была такому обороту вещей, она уже и без того задыхалась под бородачом, душу воротило от одного погляда на него.

“Не знаю”. Как не знать? Семеном его кличут, папашу-бомжа. Выходит, Семенович, насытившись материнским молоком, тихо посапывает сейчас у нее на груди. Александр Семенович Селиверстов. Неплохо звучит.

“Звучит-то неплохо. А вот какво сложится у него житье-бытье? Пойдет с малых лет за ручку с мамой по помойкам, с годами вырастет в такого же неумытого, неухоженного бородача, как и его родитель, будет так же вот... Бр-р-р!..”

При одном воспоминании о том бабьем лете Селиверстову кидает в дрожь. Далее прошлогодней осени ее воспоминания не идут. Ни к чему. Ничего такого особенного нет в ее прошлом. Бомжиха — и этим все сказано. Хоть и молодая, хоть и с образованием (учительствовала какое-то время). А как докатилась до жизни такой — кому это интересно?

Разве что строгой докторше, все что-то расспрашивает, выпытывает у нее. А на днях и вовсе огорошила: давай, говорит, Селиверстова, будем оформлять твоего мальчика как отказника — не на свалку же тебе с ним подаваться. “Сынок-то — куда

тебе с добром! Малыш-крепыш. Это здесь, в роддоме, крепыш, а выйдете отсюда — через неделю не узнать будет мальчика”.

И вот снова долотом, опять о том же.

“Ни через недельку, ни через месячишко, ни через годик! Мой сын, никому не отдам!”

Наталья Сергеевна вновь надолго уставилась на мамашу. Чем-то неуловимо она была похожа на ее дочь. Вместе с внуком погибли в аварии на перевале “Веселом”. Тоже Сашкой звали. Три года уже как нет их рядом. Что-то колыхнулось в душе, сдвинулось с места.

“А что, вполне может быть, — согласно покивала головой собственным раздумьям. — Вот сейчас и скажу-обскажу”.

— Ты вот что, милочка, — решила наконец Наталья Сергеевна. — Перебирайся-ка ко мне жить. Не обижу. Да и мне, старухе, будет веселее втроем-то, а?

Терпеливо ждала ответа. Облегченно вздохнула, когда Селиверстова согласно кивнула головой:

— Спасибо, Нат... Спасибо, тетя Наташа.

— То-то, “тетя Наташа”, — торопливо отвела в сторону предательски заблестевшие глаза доктор. — Живи-здравствуй, милочка!

Эдуард МИЖИТ

Из цикла “Ожившее время”

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Вот мальчик, весело топающий по сверкающей от солнечного света улице жизни. Мимо него бурливым потоком проходят люди, деревья, собаки, кошки и время. Над ним пролетают облака, птицы, ветры и ангелы. Но он ничего этого не замечает. Он идет, крепко зажав в кулачке длинную нитку, а там, на другом конце нитки легким перышком парит разноцветный воздушный шарик. И глаза мальчика устремлены только на это лучистое существо, в чем-то похожее на него самого, такое же легкое, такое же беззаботное, такое же шаловливое. А шарик, как непоседливый летающий щенок, то забегает вперед и тянет

мальчика за собой неизвестно куда, то слегка отстает и просит его не спешить, то мечется из стороны в сторону и советуется, куда же им пойти. Иногда этот шалун резко устремляется ввысь, желая птицей упорхнуть туда, к облакам и ангелам, прихватив с собой своего восторженного поклонника и товарища. И кто знает, может, они вдвоем на самом деле давно уже носятся там наперегонки с ветрами и птицами. Только никто из прохожих этого не замечает. Впрочем, так же, как и мальчик, существующий вне этого места и по ту сторону неотменимых как смерть законов времени, и потому совершенно не видящий и не слышащий нас. Потому что этот его неизъяснимый миг, словно этот шарик, вытеснил и отменил обычный порядок и монотонное течение времени, а вместе с этим временем и всех нас, уныло барахтающихся в его тяжелых и мутных волнах. Этот его миг и есть этот воздушный шарик, наполненный легким воздухом неизвестно каких восторгов, мечтаний, снов и видений, недоступных нашему пониманию. И он живет только этим своим воздушным шариком – мигом. И миг этот живет только им, мальчиком с родниковыми глазами, глазами, из которых родниковой водой льется сама жизнь. И не отделить их друг от друга, пока соединяет эта тонкая хрупкая нить.

Кожа времени

Кто сказал, что время движется только из прошлого в будущее? Кто сказал, что время движется прямолинейно и равномерно? Кто сказал, что время не имеет ни души и ни тела?

Вот же оно, это время, то ползущее еле-еле, так, что начинает путаться под ногами торопливых, то застывающее в холодной спячке, заражая всех зевотой и дремотой, то стремительно проносющееся мимо, оставляя всех в недоумении и печали. Вот же оно, это время, то сворачивающееся кольцами и немислимыми узлами так, что дни будущего смешиваются с днями прошлого где-то на перекрестке настоящего, то извивающееся причудливыми и молниеносными зигзагами так, что века и мгновенья сходят с оси и сумасшедшими и бесприютными вихрями носятся в поисках пристанища. Неважно где, в мимолетных ли красках заката или в тягучем и грустном полете

журавлиного клина, в тайниках ли великих гробниц или души человека, цветка или зверя. Вот же оно, это время, и теперь оно трется о камни вечности, трется так, что искры летят по всему мирозданию. И шорох этого трения оглушающим грохотом доносится до самых отдаленных уголков души. И все кругом – и внутри, и снаружи – начинает шататься, срываться с корней и осыпаться...

А это всего лишь Время сдирает с себя свою кожу, а вместе с кожей и те самые лабиринты узоров, тот загадочный рисунок, который мы привыкли называть жизнью. Время сдирает свою кожу, а вместе с ней и нас, и наши страхи, и наши страсти. Время обдирает кожу, словно пытается убежать от самого себя... или же от нас, отчаянно и судорожно цепляющихся за каждое мгновение существования. А может мы тут ни при чем, просто-напросто Времени стало уже тесно в этой старой поношенной коже.

Но на месте старой, порядком уже надоевшей, оказывается, выросла новая кожа, а значит и новая жизнь. Но самое странное то, что рисунки на этой новенькой коже точь-в-точь повторяют узоры старой. И мы, как в зеркало, вглядываемся в эту до боли знакомую новую жизнь.

Но почему-то радостная улыбка узнавания на наших лицах медленно и неотвратимо гаснет, как свет заката, и сменяется гримасой ужаса и усталости. Подумать только, и вот так каждый раз?! И вот так без конца?! Кричи не кричи, но этого не изменить, это будет повторяться и повторяться. Так и от самой усталости устанешь. Даже убив себя, будешь бесчисленное количество раз убивать и убивать себя точно так же, без всяких изменений...

Но самой безнадежной, самой отчаянной надеждой, пусть вывернутой наизнанку, но надеждой вцепляется в душу мысль о том, что может быть, когда-нибудь Жизни наскучит быть просто кожей времени, и она взнуздает его, как строптивого коня и, оседлав, пришпорит его так, что...

БЕЛОГРУДЫЙ

(Рассказ)

В селе Быстрое Иркутской области находится один-единственный в мире питомник восточносибирских лаек. Там мы с другом приобрели трех щенят. “Как не знать вас, тувинцев-охотников”, – встретил нас поздней ночью гостеприимный управляющий, мужчина неопределенного возраста. А утром, провожая, нежно погладил трех как угольки черных щенят, глубоко вздохнул: “Питомник продали миллионеру из Ангарска. Из 200 лаек осталось всего 13.”

Месячные щенки-самцы поместились в одной сумке. Удивительно, в любом виде транспорта щенки особых хлопот не доставляли: не скулили, не гадили, только молча поворачивали головки, знакомясь с окружающим миром из пестрой сумки. Заметив их, пассажиры невольно улыбались, тянулись погладить, пожилые и дети с ними разговаривали. В Иркутском аэропорту один кавказец, спросив о породе, резко возразил:

— Э, нэ-эт, дарагой, эта кавказский авчарка!

Сойдя с трапа самолета в Кызылском аэропорту, мы сразу же помчались на станцию ветеринарной помощи. Уколы от чумки нашим щенкам врачи сделали без всяких проволочек. И нашей радости не стало предела! Наши мечты сбылись. В нашей округе ни у одного охотника не было чистокровной лайки, тем более восточносибирской, а она крупнее всех лаек, равно идет как на копытных, так и на хищных, пушных зверей.

Решили месяца три щенков держать у меня, навык у меня был, к тому же детеныши растут вместе быстрее, лучше развиваются. Стойкие к морозам, неприхотливые в еде, они резвились и росли изо дня в день. Но однажды вечером я заметил, что один из щенят не притронулся к еде, еле ходит, понурился. Успокоил себя – мол, ничего серьезного. А в воскресенье утром вялым стал и второй щенок, ел только меньшей, белогрудый. Я боялся признаться себе, что надвигается беда. В три часа ночи я встал, чтобы проведать их, но к тому времени был болен уже и белогрудый – он даже не поднял головы. Мои худшие опасения

оправдались. У щенков была чумка. А в районе не было медикаментов для ее лечения.

Я мигом завел машину, затолкал больных щенков в салон и в звездную ночь рванул в Кызыл. Предыдущих трех или четырех щенят у меня тоже забрала чумка, и по всей длине трехсоткилометровой трассы только одна мысль прыгала в свете фар: "Нет! Нет, не отдам в руки костлявой!"

Утренний Кызыл встретил нас смогом и пятидесятиградусным морозом. Работники станции качали головами и разводили руками: "Какие прекрасные щенки! Но помочь не можем, лекарств нет". Привезти из дальней стороны чистокровных детенышей и похоронить их под снегом на тувинской земле, это... Это был тот случай, когда охотник может потерять разум. В комнату вместе с белыми гривами мороза вошла пожилая женщина. Увидев мое отчаянье, сказала, что у одного коммерсанта можно купить сильнейшее лекарство, правда, за большие деньги. Да какие там деньги, лишь бы щенят спасти! А они все трое еле стояли на слабых лапах, а в глазенках-бусинках еще сохранялся интерес к жизни.

Коммерсанта я разыскал быстро, ветврачи сделали щенкам первый укол. А на ночь разместились мы в "Монгулеке". Зная, что работницы там горласты, я пронес щенков в застегнутой, той же самой пестрой сумке. Вечером горничная не раз заходила ко мне в номер, но исхудалые, больные щенки, запертые вместе с обувью, даже не пикнули. Даже находясь при смерти, породистые детеныши не выдали себя. А наутро был сделан второй укол, и – о радость! Заграничное дорогое лекарство спасло жизнь собачьим детям.

По приезде домой, наученный горьким опытом, я раздал щенят истинным хозяевам, друзьям. Себе оставил, на беду, белогрудого, самого шустрого. Получил он имя Дурген, что значит Быстрый, по названию села, где разводят племя неповторимых восточносибирских лаек. Дурген рос свободно, во дворе, благо забор был высокий, а калитку и ворота мы аккуратно и предусмотрительно закрывали.

Девятимесячный Дурген восхищал всех, кто знал толк в собаках: если не обращать внимания на белые кончики лап и грудь, это была черная пантера с мощной грудью, тонкой талией,

сильными мускулистыми ногами и, конечно же, колечком пушистого, черного хвоста. Ушки у него небольшие, а морда смахивала на медвежью. Кто-то сказал, что природа создала два прекрасных существа – женщину и лошадь, а я смело добавил бы – и собаку-лайку.

Дурген ежечасно находился под нашим надзором. Тем не менее, в один из августовских дней он исчез! Как потом выяснилось, перепрыгнул через двухметровый забор. Начались поиски. Имея на руках его снимки и записанный на пленку лай, поначалу мы даже не особенно и расстроились. Сперва к поискам были привлечены только члены семьи. Потом вспомнили неугомонных мальчишек, слоняющихся без дела, пообещали им денежную премию. И пошла ребятня по улицам, прочесывать квартал за кварталом. Прошла неделя. Результата не было. С фотографий Дургена сделали копии и развесили объявления в людных местах. Премия была обещана достаточно крупная. Женщины, мужчины, дети находили и приводили черных собак, но не Дургена.

В поисках прошло два месяца. На носу был пушной сезон. Гадали шаманы на сорока одном камне, прорицатели на картах и бараньих лопатках, а Дургена все не было. На душе лежал тяжелый камень. Из-за лени, из-за собственной расхлябанности потерять отличнейшую охотничью собаку! Это для охотника сравнимо с потерей близкого человека. По ночам я вскакивал с постели, услышав лай уличных собак, везде мне мерещился Дурген: на поле ли, в деревнях, в городе, везде, где я бывал. Я невольно тихо постанывал, когда перед глазами мелькал Дурген: вот он резво бросается на кусок бараньей шкуры, когда я его обучаю, вот громко облаивает меня, кидаясь в сторону, приглашая поиграть...

Я никогда не считал себя несчастным, а теперь воочию увидел близко лицо беды. Несчастье, оказывается, очень тяжкое, как потеря первой любви. Да, хороших охотничьих собак воруют хлеще баранов, и бомжи не дремлют при виде упитанных собак. Что же, не всю жизнь горевать. У охотничьих костров буду рассказывать о моей чистокровной восточносибирской лайке, загадочно пропавшей. Это будет памятью о Дургене, о моей несбывшейся охотничьей мечте.

...Начался пушной сезон. Мы четверо уже второй день не слезаем с седел. Груз в переметных сумках тяжелый, подкованные лошади идут то шагом, то галопом. Навстречу из-за темных елей вынырнул всадник, согбенный старик в меховой тувинской шубе, на высоком чалом жеребце. Наша встреча оказалась как нельзя кстати, после приветствия разговорчивый дед сообщил неприятную новость. Оказывается, на нашем пути чуть ниже слияния рек Кожээ и Ишкин, на чабанской стоянке устроились работники экологической милиции. Не объехать и не обойти. Редкие кызылские гости, по словам старика, занимаются своим делом: ловят темноспинных ишкинских хариусов да "шмонают" встречных. Мы пожелали старику доброго пути и забеспокоились. Договор с промхозом у нас был, но у двоих ружья не были зарегистрированы, и их при встрече милиция с удовольствием экспроприрует. Дело в том, что в 50-60-е годы в наших магазинах нарезные и гладкоствольные ружья продавались свободно, как ложки и чайники. Так часть тех ружей еще стреляет по белкам и соболям, ходит по рукам: от отца к сыну, а от сына к брату... Дарят их, продают.

Ну какой черт вас пригнал сюда? Чтобы уйти от греха подальше, старший из нас предложил, раз уже все равно вечереет, свернуть налево, подняться вверх по речушке к стоянке знакомого чабана и там провести ночь, а назавтра в светлое время объехать нежеланных гостей.

Чабаны, живущие в таежных краях, очень рады любым гостям, и хозяин стойбища, молодой и словоохотливый парень, угощая нас горячим чаем, беспрестанно спрашивал новости. Пока он занимался рубкой мяса, чтобы сварить для нас, мы вышли из юрты, чтобы расседлать лошадей и привязать их арканом на ночь. Были глубокие сумерки, молодой месяц прятался за силуэтом островерхих зубчатых гор. На востоке темного неба неспешно зажглись Плеяды, ночные часы тувинских охотников. Где-то рядом еще не закованная в лед таежная речушка шептала что-то таинственное. Голые, крупные лиственницы, как крепостные стены, обступили стойбище. Расседлав своего каурога, я стал отвязывать узду, как вдруг что-то темное вынырнуло между мной и деревом, и лапами

уперлось мне в плечи. Горячее дыхание и всхлипывание обдало лицо. Я не успел испугаться этого существа. А потом даже не увидел, а почувствовал, что на мне в буквальном смысле слова висит... собака. "Ах ты, ненасытная утроба", — тихо прохрипел я. А собак здесь была целая свора: наших три, да на стоянке лаяло не меньше трех-четырех. "Жрать просишь? Вот тебе!" Я поднял руку, чтобы дать подзатыльник редкостному нахалу, как вдруг заметил, что грудь у пса белая. Я замер. Постой... постой... Оцепенение длилось доли секунды, я мигом перевел взгляд на передние лапы. Они ярко белели в темноте! Неужели это... Чтобы не потерять равновесие, я обхватил шею собаки и случайно нащупал пальцами обрывки веревки на загривке. Проведя руками по шерсти, я нащупал оголенное мясо и шейные косточки. Передо мной был Дурген! Только чужую собаку держат на ошейнике из стальной проволоки. Дурген! Дурген нашелся! Я орал во всю глотку. Мы вдвоем катались, обнявшись, по осенней таежной земле, по свежим лошадиным кругляшам, по обломанным сучьям, шурша сухими листьями и травой. Узнав, в чем дело, подбежавшие друзья цокали языками, качали головами — не может быть! От радости они поддразнивали меня.

От счастья я еле связывал слова, я был пьян — вмиг весь мир осветился семицветной радугой, не чуял я ни ног, ни тела, а словно плавал в холодном осеннем воздухе, в таежном урочище. Надо же! Кто поверит! Сказка! Проехать три района, два дня на лошади подниматься вверх по Ишкину, удрать от экомиллиции к истокам неведомой речушки, чтобы встретить своего Дургена, отнявшего столько моих сил... Кто сказал, что чудес не бывает?!

Дурген был мигом привязан арканом, замысловатыми узлами, пропущенными вокруг шеи и груди. Мы сбились в кучу и стали совещаться: без слов понятно, что пса к хозяину юрты кто-то привез, а таежные чабаны все отличные охотники. И теперь нам предстояло, соблюдая этикет, убедить хозяина юрты, кто настоящий хозяин белогрудой лайки. Войдя обратно в юрту, старший из нас стал ненароком хвалить черную лайку молодого чабана: мечта любого соболятника. Из каких краев возит он таких отличных собак? А молодой хозяин и ухом не вел, то кидал дрова в железную печурку, то наливал воду в котел, то выбегал кормить свору собак, не замечая отсутствия Дургена.

Перемещаясь таким образом, он скупно сообщил, что часа за два до нашего приезда он ездил на Хууректиг, по ту сторону хребта, а на обратной дороге за ним увязалась крупная черная лайка. Он поворачивал лошадь назад, отгонял собаку, стрелял в воздух, но та немного отбежала и снова возвращалась. Где-то она здесь, в темноте не видать. Если за ночь не убежит, то завтра он ее привяжет и попробует пустить на рысь, их здесь развелось, как бездомных собак. Мы разинули рты, в юрте воцарилась удивительная тишина. Вот оно что!

Сообщение хозяина повергло меня в еще большее недоумение. Если бы не экомолиция... Если бы не поездка на Хууректиг... В мозгу каруселью вращались обрывки моих мизерных знаний о теории вероятности, о Спирали времени, о телепатии живых существ. В конце концов я махнул рукой на рассуждения. Нашелся Дурген? Да! А что тебе еще надо? Где ты, экомолиция? Я отдам тебе всю свою сезонную добычу!

Сделав порядочный крюк, через три дня мы достигли своего охотничьего угодья на Хан-Тегире. В первый день охоты, где-то к обеду, Дурген исчез в таежной чаще. Сколько ни звал, ни искал, все впустую. Я понял, что за два месяца он совсем одичал. Мрачно вернулся я вечером к шалашу. Смотрю, а там Дурген слабо помахивает хвостом и глядит виновато. Я только рот открыл, чтобы наорать на него, как увидел на синем снегу кровь! Ружье в сторону, я к собаке. От подбородка вниз идут две глубокие раны, словно кто-то острым ножом резанул, и на правой лопатке, до кости, еще одна рана. Да это же встреча с кабаном-секачом! Счастье его и мое, что благодаря природной ловкости увернулся пес от смертельного удара клыков. Дурген улегся на снег и, теряя кровь, медленно открывал и закрывал глаза. И чтобы они не закрылись навечно, я не отходил от него. И все-таки выходил. За сезон он отлично научился обнаруживать белок, а потом мы сразу же стали хаживать и по соболю.

Возвратились домой. Не было больше радости семье, словно вернулся он с того света. Знакомые, многочисленная родня специально приходили смотреть на Дургена. Сейчас уж буду держать его на привязи, заказал ременной ошейник.

Годовалый Дурген бегал на привязи вдоль забора, глухо и громко лая. Утром я вышел кормить грозу соболей, смотрю,

на цепи лежит пустой ошейник. Опять удрал! Я уже не стонал, я взвыл.

К сожалению, второго чуда не случилось. Чудо встречается в жизни один-единственный раз. Уже третий охотничий сезон у костра рассказывали о Дургене, его загадочных исчезновениях и сказочном появлении. И если вы где-нибудь увидите черную как смоль, с белой грудью и белыми лапами восточносибирскую лайку, знайте, это он, Дурген. Нет, не надо мне об этом сообщать, пусть он будет верным другом того, кто его приручил. Это его воля, третьего прекраснейшего существа в мире, рожденного жить свободным.

Владимир БЕРЯЗЕВ

(Новосибирск)

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

Роллану Сейсенбаеву

1

Я не шепчу в испуге "бисмилля",
 С тобой, Рэке, мне здесь не одиноко,
 У нас одна дорога — на Восток и
 Мы вновь пойдем по сопкам Заиртышья
 Туда, где Чунгистау широко
 Раскинули свои холмы пустые,
 Опять туда, где в детском далеке
 Ты прятался с отарою в распадке,
 А молодой отец, храня семью
 От насквозь прожигающего света,
 От ока смерти, от звезды Шайтана,
 От топота коней Армагеддона,
 Бежал с кошмою толстой, чтоб укрыть,
 Упрятать, уберечь...

Но ты боялся
 Не грохота, не вихря Полигона,
 А старца, что совсем неподалёку,
 В сухом колодце, двадцать пять зимовий
 И двадцать пять летовок уж томился.
 Старик Кажы', забытый и убитый,
 Старик Кажы — на дне, во тьме кромешной,
 Чекистами застреленный, костлявый,
 Он там, он мёртвый...

Лунными ночами,

Когда ковыль серебряным ручьём
Струится, когда филины хохочут
На скалах,
он выходит из тюрьмы
Безвестной и бессрочной...
Серой тенью
Скользит он мимо юрт, кошар, загонов,
Как будто ищет купола мазаров,
Как будто просит милости людской...

.....
.....

Скажи, Рэке, нужна ль певцу могила?
Поэт — посланец, вестник,
он умчится,
Исчезнет, как орёл за перевалом,
Лишь песни и стихи — его надгробье,
Лишь купол неба — вечный мавзолей?..

II

Но как прекрасен домбры тонкогорлой
Пустынный голос!
Он цепляет душу,
Тревожит и велит остановиться,
Как биурган-трава в сухой степи.

Пойдём, Рэке, возьмём по две лепёшки
За пазуху,
верблюжьего кумыса
Тугой бурдюк,
пойдём туда, где ветер
Разносит прах сухого чернобыла,
Где плачет коршун жеребёнком сирым,
Где с жёлтой гривы виден горизонт,
Дугою уходящий в оба края,
Где всё прошло, промчалось, протекло,
И лишь земля всё также длится, длится,
Как песня домбры...

В седловине той,

Ты говоришь, походная стоянка
Чингиса, повелителя народов,
Случилась?..

А вдоль этого ручья,
Что оживает только на неделю,
Когда цветут тюльпаны,

Аблай-хан²

Скакал со свитой, вековую распря
С джунгарами желая прекратить.
Но было поздно

Так всегда бывает:

Два брата что-то делят, рвут рубахи
И бьются насмерть. Но куда бьются —
Мать умерла от горя и стыда.

Где родина? Где Туркестан Восточный?
Пока ойроты резали казахов,
Пока казахи резали ойротов,
Чугая степь Китаю отошла.

Мой друг, мой брат, пойдём,
мы снова вместе,
Мы дышим этой синею полынью,
И караган ломаем для кострища,
И бешбармак готовим в казане.

Степь рыжая в подпалинах, сединах,
Как будто шкура старого корсака,
Над нею небо, как шелка Ширази,
Где по ночам, монистами звеня,
Гарем созвездий в призрачном сиянье
Всё кружится...

А твой великий старец,
Которого ты в детстве так боялся,
Наверное, давно на небесах.

И Полигон умолк.
И только пепел,
Скелеты юрт да черепа пустые
Пропавшего скота напоминают
О прежних временах и прежней боли.
Пойдём, Рэке...

* * *

Как я люблю, когда один лишь ветер
Шумит былём, свистит и давит уши,
Когда земля и небо заплывают
В объятия друг другу...

Я хочу

Дождаться той весны, того мгновенья,
Когда пустой колодец перестанет
Гудеть под ветром, как бутылка пустая,
И станет вдруг целительным Аржаном
Для всех, кто жив,

кто жаждою томим.

*23 августа 2002 г.
Новосибирск*

---

1 Шакарим, племянник Абая, наряду с ним является основоположником казахской литературы, в первую очередь эпической поэзии (поэмы "Энлик-Кебек", "Смерть Кодара" и др.), расстрелян осенью 1931 года местным ГПУ на пороге собственного дома, брошен в старый колодец у гор Чингистау, тело его только в 1962 году было перевезено на родовое кладбище в урочище Жидебай. В настоящее время могила Шакарима, как и могила Абая, являются основой гигантского мемориального комплекса недалеко от райцентра Караул в Восточном Казахстане.

2 Абылаймансур, принявший имя Абылай-хана, последний казахский хан, авторитет которого был непререкаем во всех казахских землях, в 1755 году вступил в союз с последним ханом Джунгарии Амырсаной для борьбы с маньчжурами династии Цин. После падения Джунгарии и уничтожения маньчжурами более миллиона ойротов, остатки их откочевали в Россию, под защиту Сибирской казачьей линии — севернее Зайсана, на правобережье Иртыша. Абылай-хан умер в 1781 году в Ташкенте, который уже очень скоро после его смерти перестал быть казахским.

Владимир ГОРДЕЕВ
(Москва)

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Мы в нашей долгой жизни не однажды,
Спасть стараясь от душевной жажды,
Вновь к памяти, как к роднику, прильнем,
Воспоминания живительные пьем...

Наталье Ажикмаа-Рушевой

Как облака, промчались годы
над материнской судьбой.
Но Надя – в памяти народа
осталась щедрой и живой.

Ее рисунки – стригунками
Рассвет встречают вместе с нами.

А кентавренок озорной
спешит к нам в цокоте копыт,
и Пушкин – юный и живой –
не будет нами позабыт.

И только в материнской доле
от слез так много горькой соли.

Мария ХАДАХАНЭ

ЧТО ДЛЯ ВАС "УЛУГ-ХЕМ"?

Николай Куулар, поэт:

— "Улуг-Хем", и альманах, и журнал, вызывают в моей душе только светлые воспоминания. 18-летним юношей я был впервые опубликован в "Улуг-Хеме", и с тех пор с небольшим перерывом, практически регулярно печатаю в нем свои новые стихи, иногда и прозу. Когда я был молодым, публикации в альманахе помогали самоутверждению, дарили робкие надежды на признание... Но и теперь, увидев знакомые строчки в любимом журнале, не перестаю испытывать чувство первопроходца.

Что для меня означало стать членом Союза писателей? Прежде всего — выдержать экзамен на творческую зрелость, хотя и понимал, что "членство" и мастерство художника — понятия отнюдь не равнозначные. Союз тувинских писателей (имею в виду членов СП России) — это немногочисленное цеховое содружество в основном самодостаточных личностей. Союз помогает в решении некоторых жизненных вопросов, оказывает моральное содействие, а в некоторых случаях — и материальное. Я всегда был за поднятие планки для приема новых членов, важно не количество, а качество, в этом смысле союз — это сообщество избранное. Вспоминая свой недолгий опыт пребывания на посту председателя правления (1993-1995), прихожу к выводу, что административная должность не совсем подходит моему характеру, но кому-то тогда надо было везти этот воз, что я и делал с переменным успехом.

Валерий Ховалыг, врач с 27-летним стажем работы:

— Тувинскую литературу я стал читать с 1968 года: Сарыг-оола, Кудажы, Даржая, Сюрюн-оола. Я эмоционален, больше люблю поэзию: М. Олчей-оола, В. Серен-оола, Н. Куулара, И. Иргита. Читал Тарачи — врача, слежу за М. Алдын-оолом из Чаа-Холя. Перечитал переводы "Капитанской дочки", "Евгения Онегина". Интересуют стихи Э. Цаллаговой, Л. Санчай.

Чечекмаа Сагды, профессор-биолог:

— “Улуг-Хем” читаю с 1959 года. Люблю поэзию Пюрбю, Серен-оола, Даржая, Черлиг-оола. Часто использую на занятиях стихи о природе А. Даржая, Э. Мижита – предстает невидимый мир, слышу звон, плач сухого дерева, эта музыка притягивает. Когда бываю на природе, читаю стихи. Люблю горловое пение – это дух тувинской земли. Люблю тувинский театр, он близок народу.

Чочагар Монгуш, писатель:

— Союз писателей Тувы и журнал Улуг-Хем дали мне шансы проверить свои возможности в области литературного творчества, подсказали, как выразить свои идеи, научили любить свой родной тувинский язык. “Улуг-Хем” помог мне почувствовать безграничную силу внутреннего мира и души человека. Спасибо, что союз в свое время помог получить образование в Литературном институте имени Горького. Спасибо и за премию, присужденную мне за повесть “Поминальные костры”. Желаю союзу и журналу новых творческих успехов, духовных сил и достойных последователей!

Михаил Монге, учитель истории:

— Тувинскую литературу стал серьезно читать в 60-е годы: С. Тока, С. Сарыг-оола, С. Тамба, К. Кудажы. Видел многие спектакли. Часто листаю русский “Улуг-Хем”, выделял произведения Г. Принцевой, В. Бузыкаева, М. Пахомова. Давно увлечен исторической литературой: Дубровский, Маннай-оол, Ян, Грач, Кабо, Дулов, Потапов, Чивилихин, Черкасов. Сам стал писать в 60-е годы, бросал, снова начал в 1991 году роман “Урянхайцы”. Мама, Анчимаа Сан-Хуураковна Чооду, (умерла в 2001 году в возрасте 84 лет, нас у нее было шестеро), сама много рассказывала о событиях XX века со слов отца и братьев, сама многое помнила. Пожалуй, с этих-то рассказов во мне и зародился интерес к тувинской литературе. Вообще-то я писатель-самоучка.

Э.Б. Чадамба, языковед:

— “Улуг-Хем” читаю с 1953 года. Собирала все номера, хорошо знаю первое поколение писателей: Тока, Сарыг-оол, Пюрбю, Кудажы, Сюрюн-оол. Особо следила за творчеством брата, Л. Чадамба, Ю. Кюнзегеша, М. Мендуме – особый язык, диалектизмы. Сейчас перевожу туджинский фольклор для издания в Новосибирске. С интересом читаю женскую поэзию. Хотелось бы прочитать роман о интеллигенции, о тувинской семье. Есть замечания к современной литературе: язык засорен уголовным жаргоном, мало исследуется современный тувинский язык, нахлынули англицизмы, новые термины. У многих авторов хромает культура речи. Надо повышать и грамотность редакторов.

Александр ДАРЖАЙ

ОТ АВТОРА

В 1989 году тувинское издательство выпустило в свет мою книгу стихов "Зерна добра" на русском языке. Тогда в книгу не вошли некоторые стихи в моем собственном переводе. На тот момент я был неуверен в их профессионализме и качестве. На фоне работ поэтов-переводчиков выполненные мною переводы казались серыми, недостаточно хорошими. Хотя мои сомнения по этому поводу пыталась рассеять Светлана Владимировна Козлова, сказав, что они "вполне прилично выглядят". Но все же я не смог их перебороть...

Мы живем в очень трагическое время, особенно для поэтов. В мир иной ушли мои переводчики-друзья, Владимир Евпатов, Иван Слепнев, Светлана Козлова ушла в расцвете творческих сил. Я им очень благодарен за то, что они своим поэтическим волшебством заставили мои скромные стихи звучать по-русски.

Теперь я отважился – передаю на ваш строгий суд свой первый и последний опыт перевода. Почему последний? А потому, что с национального языка на русский должен переводить поэт, живущий в стихии этого языка.

ЛИСТВЕННИЦА

У лиственницы одинокой,
на самой скале высокой
возросшей, я как-то спросил:
"А кто тебя посадил?"

"Я семечком долго лежала,
но как-то крылатой стала –
вознес в небо вихрь меня,
губя или, нет, храня.

Я долго меж туч носилась,
вокруг темнота искрилась,

и было уже невмочь,
когда разразился дождь.

И средь громового гула
я к этой скале прильнула:
она меня обняла
и дочерью назвала.
И вот я смотрю на скалы,
оглядываю перевалы,
и вижу весь мир земной,
раскинувшийся подо мной..."

И лиственница умолкла,
на мир глядя с чувством долга:
так стережет стадо свое
чабан – собрат ее.

СТАРИК

Видишь: как подсолнух, старый дед
греется весь день на солнцепеке:
то зевнет, то вытащит кисет,
то забудет взгляд в людском потоке.

Люди мимо целый день идут:
здесь старик иль нет, его не видя.
Он как столб, как дерево стал тут.
Впрочем, на людей он не в обиде.

В дни великих праздников о нем
вспоминают как о ветеране:
То как встречу пригласят в детдом,
То на митинг... или в этом плане.

Дед вначале этому был рад...
Может, потому на солнцепеке
На людей глядит, как на парад,
Топит блеклый взгляд в людском потоке.

* * *

Прохладная ночь.
Сеновал.
Лунный свет
Сосет, как дитя,
Твою белую грудь...
А я не могу
До рассвета уснуть.
Прохладная ночь.
Сеновал.
Лунный свет.

Твой сон охраняя,
Не смею вздохнуть.
Двадцатое лето.
Любовь. Млечный путь.

Прохладная ночь.
Сеновал.
Лунный свет.

ОДИНОЧЕСТВО

Вечер. Ненастье. Дождь льет с утра.
Без остановки. Как из ведра.

Залил шоссе, под балконом цветы.
Сыро и холодно. Как же там ты?

Где ты сейчас? На какой из дорог?
Знаешь ли ты, что и я одинок?

Жду тебя... А за стеною дождя
Ты, может, думаешь так же, как я.

Сидя в машине, в тумане густом
За половодьем снесенным мостом.

Две картички

Воссохший арок. Пара икей
От сплеленных недавно тополей.
Пложок земли, заросший лебедой.
Оказ пустой. Старик седой-седой.
Устремлены в лихувшее глаза.
Сверкает мутно на щеке слеза.

Арок звенящий. Пара тополей.
У юрты — стайка шумная детей.
Пложок земли, где догорит хлеб.
Девочка. Парень. Восемнадцать лет.
И поцелуй. И слитный стук сердец...
Неужто — все? Пустьирь. Ночь. Колецу.

Переводы автора.

Зоя НАМЗЫРАЙ

МОЯ ЛАНЬ

Я помню: лань бежала мимо,
почти летела над землей.
О, как давно все это было!
И я тогда была иной.
Виденье юности минувшей!
С тех самых пор тебя ищу.

Стрелять?

Но кто стреляет в душу?

Забыть?

Но как?

И я грущу.

Ты символ юности и счастья.

Я не могу тебя забыть.

Живи всегда.

Никто не властен

воспоминания убить.

САЯНЫ

Вспоенный материнским молоком
и обогретый материнской лаской,
ребенок рос на стойбище родном
с душой – белее белой куропатки.

Чтобы познать величие Саян,
живу, бреду по солнечному снегу –
златому и серебряному, нежному,
который людям небесами дан.

Чтобы познать мелодию любви,
цветы искала на отрогах горных,
дарила. Величавы и просторны,
звучали песни сердца и земли.

Чтобы познать тревогу и печаль,
я возвращалась по тропе к истокам,
туда, где дни без вечера и срока –
в такую юность и такую даль...

Живительный источник сил, аржаан,
дорога жизни душу иссушила,
к тебе приникну. Дай мне столько силы,
чтобы познать величие Саян.

Николай КУУЛАР

СМОРОДИНА

Где ручьи говорливо быстры –
с красной ягодой встали кусты...
Там смородину летней порой
до оскомины ели с тобой.

Одаряла меня каждый раз
ты сиянием радостных глаз.
И смородинок черный овал
поцелуем я нежно срывал...

Год всего лишь в разлуке я жил
и к тебе как на крыльях спешил,
но погасла вся радость души:
— За смородиной красной ушли!

Нет, не стал я расспрашивать, с кем...
Но смородину больше не ем.
Только дни, что мы были вдвоем,
как оскомина в сердце моем.

Перевод В. Гордеева.

Сайлыкмаа КОМБУ

Из цикла "Сезон отцветания солнца"

БУСЫ

Играем.
Это древняя игра.
Ты был здесь, знаю.
Но, увы, вчера.

Волос виска касались папы елей.
Был слышен смех.
Огни костров горели.

Ищу.
Блуждаю.
Полнятся следы
слезами страха, боли и беды.

Души чужой рассыпанные бусы
нижу на волосок.
На шее смуглой –
одна из всех любимейших вещей:
подернутые пеплом, тлеют угли,
вцеловываясь в кожу у ключиц.

* * *

Тропа летит арканом вдаль,
ловя несчастье.
И под седлом судьба моя
ликуя, пляшет.

Через плечо взгляну:
окно. Огня мерцанье.
И я склонилась над столом –
как ожиданья
тысячелетнего сосуд,
и сумрак ранний
рисует очертанья рук
и смертью ранит.

Тропа летит арканом вдаль,
добычу ловит.
За пазухой несущ птенцов:
рассвет и полночь.

* * *

В череде снегов и лет
я – тебя,
а он – меня
тайно сбережем в душе.

День за днем,
из года в год
от тебя я,
от меня он
не дождемся теплых слов.

От меня он, от тебя я
разбредемся, спотыкаясь.

ГРАВЮРА

Жаркое. Горькое.
Черное. Белое.
Белые вороны.
Черные лебеди.

Смех мой по серому прыгает кружеву.
Снежные искры под веками кружатся:
время прощаться.

Слезы сгорают, соль остается.
Соль раскаленная яростно жжется:
время прощаться.
Белые вороны.
Черные лебеди.
Черное небо
и облако белое.

* * *

Нету мне дома.
Ни у родственников.
Ни у знакомых.

Не спускаться по солнечным зайцам.
Дыханья детей не слушать.
Не целоваться.

Нету мне дома.
Век сгорать в капризной пустыне.
Век аукать в долинах туманных.
Средь соседок слыть чужестранкой.

Нету спасенья.
Быть мне, несчастной,
сверкающим украшеньем.
Грязной соленой земли
ледяным украшеньем.

СЕЗОН ОТЦВЕТАНИЯ СОЛНЦА

Сезон отцветания солнца.
Не первый сезон отцветанья.
Переливаются желтым
глаза твои на расстоянии
солнца –
от отражения

солнца на льдинке тонкой.
Сезон отцветания солнца.
Не первый сезон отцветанья.
Зажмурь золотистый взгляд
от света прозрачных граней –
сезон зарождения льда.

Перевод Инны ПРИНЦЕВОЙ.

Лидия ИРГИТ

* * *

Шум ветра и хрустальный звон реки,
и ручейки, журчащие окрестно,
заботливо в поющие венки
вплела весна – проворная невеста.
И зазвучала у меня в крови
цветущая, как звонкая фиеста,
прекрасная мелодия любви –
мелодия для флейты и оркестра.

* * *

В кровь свои прокалывает пальцы
мастерица, ткущая энчек,
чтоб спасал поэтов и скитальцев
этот шерстяной ковер-ковчег.
И поэт израненную лиру,
как энчек спасительный в пути,
под ноги всему бросает миру,
чтобы человечество спасти.

Эмма ЦАЛЛАГОВА

НА ПОРОГЕ ОСЕНИ

У летнего ветра – подкладка из шелка,
Бесшумность шагов
Засекреченной стражи,
И юркая ночь пробегает мышонком,
Коснувшись ноги –
Мне блаженно и страшно!

И птице не спится незримо со мною
В уютной ладошке гнезда из травинок.
Куда мне теперь с моей бедной душою?
Где щедро прощают безумцам провинность?

Скорей бы проникнуть в узорчатый терем,
Где осени круглое желтое око
Глядит на меня из распахнутой двери
И плачет – янтарно и радостно – соком.

Здесь отдых объемлет усталые ноги,
Здесь мне коростель ободряюще щелкнет.
Суму оставляю за этим порогом.
У летнего ветра подкладка из шелка.

НА УРОВНЕ ГЛАЗ

А мне – что дворец,
Что хижина,
А мне – что ворота,
Что лаз.
Томлюсь высоко по ближнему
На уровне чуждых глаз.

Зачем воздвигаюсь башнею?
Зачем не стелюсь травой?
От страха –
Кажусь бесстрашною,
Срываясь на волчий вой.

Чужими отравлена ядами,
Враждебный внимаю глас...

Налейте мне чаю с мятою
На уровне близких глаз.

ДУРА

У дураков всегда один ответ,
А я слышу непоправимой дурой:

Во тьме крошечной прозреваю свет
И верю до сих пор в литературу.
Своей филологической душой
Воды и пищи не приемлю пресной.
И бабочкой –
Невиданно большой –
Сама себя роняю –
Прямо в бездну.

От холодов –
Ожоги на руках.
Я не черню
Ни друга,
Ни ресницы.

Пожалуй, я останусь в дураках,
И вам такой сумею пригодиться.

Саяна ОНДУР

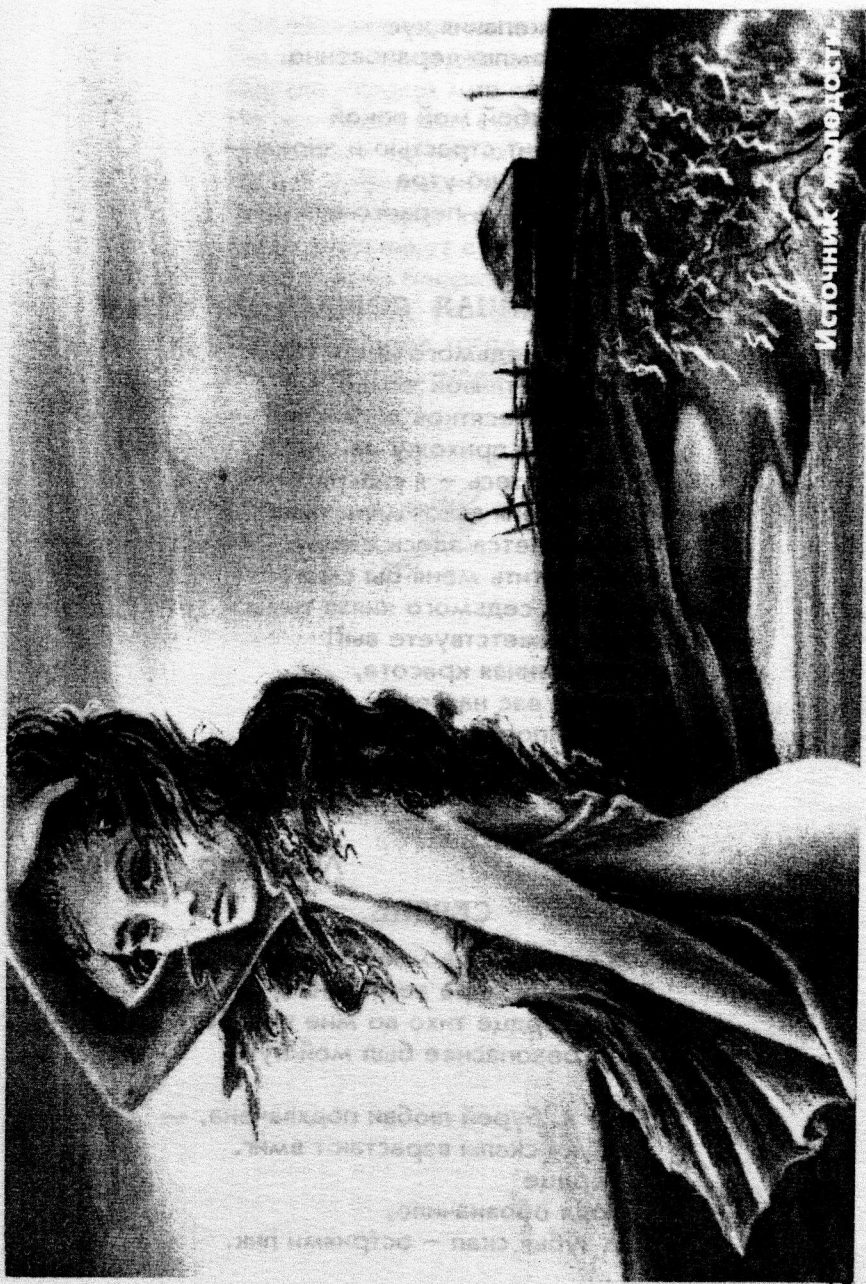
ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЛЕТО

Полусон, полуявь,
серебристые блики,
поцелуй так горяч
в обнаженные груди.

От желанья любви
тают в сердце свирели
и навстречу тебе
раскрываются губы.

Я откинусь в дурман
нежно-пенных подушек,
лишь луна на балкон
бросит горсточку света.

Изгибаясь своим
молодым, крепким телом

Источник молодости

от желания кус
отломлю дерзновенно.

Голубой мой покой
дышит страстью и зноем,
я твоя до утра
двадцать первого лета.

ОГНЕННАЯ ПОШАДЬ

Я – дочь седьмого князя тьмы
из неприветливой зимы.
За шесть десятков долгих лет
лишь раз я прихожу на свет.
Вы берегитесь – я сильна.
Не зря меня вскормила тьма.
И не найдется здесь ездок,
что укротить меня бы смог!
Я – дочь седьмого князя тьмы.
Меня приветствуете вы?!
Я – Огненная красота,
я опалю вас навсегда.
Любить погибельно меня,
но позабыть уже нельзя!

Людмила САНЧАЙ

СЕРДЦЕ

Все ветры мира мне в спину дуют.
Все камни мира летят мне в грудь.
Лишь сердце тихо во мне колдует,
Чтоб безопаснее был мой путь.

Лечу я, бурей любви подхвачена, —
Разлуки скалы возрастают вмиг.
А сердце
Загодя обозначило,
Где зубья скал – остриями пик.

Соблазнов вихри легки безмерно.
Расплаты камни так тяжелы!..
Однако сердце мне служит верно.
Не зря грехи мои столь малы,
Что пылью сдует их свежий ветер.
Но вот у пропасти на краю
Все камни горя, что есть на свете,
Вдруг опрокинут судьбу мою, —
Все ураганы бессильны станут
Поднять меня, чтобы вновь умчать.
Сурово сердце тогда заставит:
— Сумей же заново жизнь начать...

* * *

Уходя, мы забываем часто
из-за ложной гордости своей
оглянуться на былое счастье
и проститься чуточку теплей.

А понять, простить уже не можем,
проверяем чувства вновь и вновь,
но вернуть на время невозможно
сердцем позабытую любовь,

отзвучали прерванные звуки
музыки тех радостных минут.
Я надеюсь, все же чьи-то руки
нежную мелодию вернут

и, весны дыханием согреты,
на деревьях почки прорастут,
на черемухе, на той же, белым светом
сломанные ветки зацветут.

* * *

Золотистых листьев стайку носит
по двору веселый ветерок,
а душа неуспокоенная просит
новых неизведанных дорог.

Где найти ту истину, что ищем,
и какой на это нужен срок,
как понять, что лишне, что не лишне,
и что в жизни главное не смог...
Или время будущее скажет,
что и как, и где искать тебе.
Кажется, ответ мне этот важный
нужно поискать в самом себе.

Может, так же предок мой когда-то,
чуть привстав на медных стременах,

вглядываясь в даль степи куда-то,
думал о грядущих временах.

Мария КУЖУГЕТ

* * *

Стремя оторвалось,
растянулась подпруга,
и не держит седло,
и далеко до друга.

Милый мой, милый мой,
что с душою случилось?
Все не то и не так –
порвалось, надломилось.

Я седло почию
сыромятною кожей.
Но смогу ли вернуть
то, что жизни дороже?

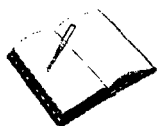
ПИАЛА

Пиала с невидимую трещиной
может и от звона развалиться.
О любви, что Богом нам обещана,
будем ли заботиться-молиться?

Вновь – вослед горячему холодное,
вновь фарфор потрескивает тонко.
Неужели только мимолетное,
суетное, горестное только?
Пиала распалась... И за юртою
светлой ханской, что
как жизнь,
прекрасна,
ветры сорным прахом заметут ее –
пиалу, разбитую напрасно.

Перевод Марии Галацевич

Виктория КОНДРАШОВА

ЧАС НЕБЕС

Сказочными нимфами, волшебными узорами
Уходят в неизвестное бродяги-облака.
И вновь холодным вечером под шелковыми шторами
Луна сквозь щели олово льет в окна свысока.

А над луной вздымаются загадочными змеями
Песчинки многоликие непознанных планет.
И все, о чем мы думали, и все, на что надеялись,
О чем мечтали, плакали — сольется в тусклый свет.

Все прошлые-непрошлые заботы и страдания,
Вся злоба, одиночество, печали и тоска,
И вся любовь и ненависть, все страхи, ожидания —
Все вдаль ушло, все умерло, и лишь луна близка.

Пустынный мир качается над черной неба пропастью
И внемлет всем сознанием лишь вечной тишине.
Замолкли все приемники. Исчерпаны все новости.
И небу души преданы, как брэнное — земле.

Елена ТРУШНИКОВА

По бессонным перекресткам
Вдаль спешит бродяга-ветер.
Он один на целом свете.

Тает время теплым воском,
Утекает в бесконечность.
Где теперь моя беспечность?

Развеваются одежды...
В синем небе тают звезды.
Я стою на перекрестке...

* * *

Я хочу побыть с собой.
В своих мыслях разобраться,
над собою посмеяться
и поплакать над собой.

Я с собой хочу побыть.
Рассказать себе о прошлом.
В тихой глубине полночной
жизнь по-новому любить.

Я с собой побыть хочу.
Поразмыслить, как быть дальше.
Без раздоров, лжи и фальши
снова жить себя учу.

Настя АРАКЧАА

* * *

Наша жизнь так похожа на цирк –
этот шум, яркий свет в воскресенье,
понедельника горестный миг...
Ищет сердце во вторник спасенья.

Среду серым раскрасит тоска,
и улыбка в четверг – понарошку.
Синих пятниц письмо – пол-листка,
на субботу гляжу я в окошко.

Наша жизнь так похожа на круг...
Крутят годы недель карусели,
тянут с нами свой каменный плуг.
Мы во снах видим свет воскресений.

Лицемерье... веселье и свет
душат нас, но я знаю спасенье –
через час, через день, через век
понедельник сменит воскресенье.

И опять... жизнь похожа на цирк;
та же яркость воскресной прохлады,
тот же смрад будних дней, чей-то крик,
чей-то плач с опустевшей эстрады,

те же серость и труд. Почему
мы страдаем в промозглых квартирках
тесных стен, и живем наяву,
чтоб воскресно забыться, как в цирке?

Повозка счастья.

Чооду КАРА-КУСКЕ

СНЫ

Хочешь сказку увидеть?
Или правду увидеть?
Покупай в кино билеты.
Ах, какая благодать!

Захотел – сходил в буфет.
Захотел – купил конфет
или пряников пакет.
Только сны не продаются,
Их нигде в продаже нет.

Мама снова гонит спать.
Папа грозно:
— Марш в кровать!
Как заснуть ребенок может,
если сон ушел гулять?

Ходит ветер по траве,
бродят мысли в голове...
Если сон бы мне купили,
я б заснул минуты в две.

... Вот включился первый сон.
Вижу: облако, как слон.
Я сажусь верхом скорее,
говорю:
— Бери разгон!

Сколько снов! Таких! Сяких!
Этот – весел, этот – тих.
Друг на друга не похожи,
как вершины гор моих.

А еще бывают сны
удивительной длины –
приключения и сказки
до утра тебе видны.

Захожу я в магазин:
"Дайте сон, да не один..."
Не кричали б мама с папой:
"Засыпай скорее, сын!"

Я б всю ночь во сне летал,
я б веселым утром встал,
я б сестренкам, и братишкам,
и соседским ребятишкам
сон, как сказку, рассказал.

КОЗА БОДАЕТ СЛАБОГО

— Чульдум, Чульдум! Послушай,
скажи мне от души:
зачем дерешь за уши
ребят слабей тебя?

— А я им – не мучитель,
а я для них – учитель.
Чтоб мне не возражали,
я их учу, любя.

— Чульдум, Чульдум, а что же
Не учишь ты Доржу?
Не потому ль, что может
тебя поколотить?

— Дожу постиг науку,
его я знаю руку.
Зачем же мне, скажите,
ученого учить?

— Чульдум, Чульдум, такая
в народе мудрость есть:
лишь слабого бодает
драчливая коза.
Рогами так гордится,
а сильного боится.

Ты к кулакам, пожалуй,
приделай тормоза.

СОЛНЫШКО, СВЕТИ!

Что сегодня хмур ты?
Побежим к реке
каменные юрты
строить на песке.
Тепло – так не замерзнем,
светло – так не заблудимся:
тучка, улети,
солнышко, свети!

Набери в ладони
теплую траву,
каменные кони
рвутся в синеву.
Тепло – так не замерзнем,
светло – так не заблудимся:
тучка, улети,
солнышко, свети!

Хорошо на острове:
на огне волны
камешками острыми
испечем "блины".
Светло – так не замерзнем,
тепло – так не заблудимся!
(Ой, это все не в счет,
совсем наоборот:
тепло – так не замерзнем,
светло – так не заблудимся!)
Тучка, улети,
солнышко, свети!

Перевод М. СЕРГЕЕВА.

Марина КЕНИН-ЛОПСАН

РУССКИЙ ТУВИНЕЦ

Так зовут художника Валерия Елизарова. Потому что глубоко знает историю русских в Туве, тувинцев, умеет бережно отображать это в работах, а еще великий дар — сочетать обе культуры, что рождает неповторимость произведений.

...Осень. На горизонте вершины небольших гор сходятся с беспредельной синевой ночного неба. Глаз завораживает дерево с причудливо изогнутым стволом, обнаженными, извивающимися корнями и несколькими ветками, на которых трепещут от ветерка желто-оранжевые листочки. Все это пронизано ярким светом полной луны, морозной прозрачностью воздуха и... ощущением колдовства. Дерево это или превращенная злой колдуньей в него девушка? Обычно в такие ночи и происходит что-то необычное...

Главный же виновник волшебства — Валерий Николаевич, мастер, создавший "Хам ыяш в лунную ночь" на холсте красками. Видимо, автор очарован "ночным светилом", свои ощущения сумел поэтично перенести на полотно. Картина притягивает, хочется на нее смотреть и смотреть. Великолепно! Ее зрители имели счастье лицезреть на персональной выставке летом 1992 года.

А родился Валера летом 1957 года в Кызыле. Мальчик любил рисовать. Учился в школе № 15, да еще ходил в детскую художественную, которую с отличием закончил в 1971 году. Не изменял своему увлечению, оно благодаря полученному образованию в Кызылском училище искусств в 1980 году стало профессией.

Трудился в управлении механизации "Тувинсельстрой" по распределению, с 1985 года — в художественных мастерских. Не стал мастеровым, пробует себя в разных направлениях —

плакаты, живописи, графике, декоративно-прикладном. Участник нескольких конкурсов и многих выставок различных уровней. Вступил в Союз художников в 1996 году. Ступени творчества, ступени жизни. Какие они?

Редко приходится видеть плакаты с глубоким содержанием и лаконичным изобразительным решением. Валерий Елизаров владеет этим даром. В подтверждение — работа "Нам нужен мир!" За нее он удостоен третьего места и премии во всесоюзном конкурсе 1980 года "Борьба за мир и международное сотрудничество". Он актуален и сегодня: дети хотят играть в мяч и прыгать через скакалку, а не бежать из родного дома от бомбежек и обстрелов...

Любит Валерий Елизаров выражать себя в пейзажах. Много ездил по республике, отображает красоту разных ее уголков. Вроде бы все сюжеты традиционны, но исполнение — индивидуальное, свое видение рек, лесов, полей. Живописец владеет тайной цветовой гаммы, удачно использует это в работах. Вот "Март", созданный в серо-желто-белых тонах, пробуждающий ощущение радости от просыпающейся природы под ярким солнцем. Или "Сумрачный день", где, кажется, туман в горах "дышит". "Ужепские зарисовки" карандашом передают дух патриархальности деревенских улиц. Небольшое полотно "Ночь на Чагытае" останавливает взгляд игрой темных красок, узнаваемостью чудесного уголка природы.

Запоминаются и жанровые работы. Здесь воспевается простой труженик. На плотике поздней осенью юный охотник с собакой отправился на промысел... Молодой парень в пору сенокоса обедает в долине на полевом стане... Старик с коровой и две женщины с коромыслами обсуждают ужепские новости... Мальчик на красавце-коне мчится по берегу — от "Заката на озере Кыргыз-Нур" веет даже сказочностью... Везде автор сумел передать свое доброе и уважительное отношение к героям.

То же самое можно сказать про немногочисленные портреты. Любит В.Елизаров деда Иннокентия, деревенских бабушек, школьника с конем, стараясь передать характеры и внутренний мир своих героев.

У Валерия Елизарова состоялись три персональные выставки, в 1992, 1997, 2002 годах, все они запомнились, остались в памяти,

о них говорили и писали. Валерий Николаевич не очень уж многословный и словоохотливый человек, про свои произведения говорит с волнением: "Это я делаю для людей, здесь моя энергия, переживания, душа". Все работы любит автор, но все-таки значительную часть тепла, на мой взгляд, достается изделиям из бересты.

По ней Валерий Елизаров работает только с 1991 года, а достиг высот заоблачных. Не преувеличиваю. И не то чтобы меня покоряли как представительницу слабого пола украшения — браслеты, серьги, кулоны, шкатулочки для них. Приковывают к себе взгляд всевозможные туески, фляжки, сундучки, любуешься и техникой, и подбором материала, больше всего — оформлением, где и русское, и тувинское национально-народное проглядывает. Сейчас в этом направлении Валерий Николаевич много экспериментирует в панно. Есть цикл — семь работ — настоящие миниатюры на глубоком символическом голубом фоне: "Пастух", "Всадник", "Центр Азии", "Шаман", "Пантера" (бляха), "Танец орла", "Хуреш". Сколько в них любви и мастерства!

Не только у нас обратили внимание на эту грань творчества В.Елизарова. Пригласили в Финляндию в 1995 году. Учил там ребяташек русский тувинец обращаться с берестой, местная пресса тепло писала о нашем мастере. Неторопливые северяне признали талант кызылчанина, прошла в Турку и персональная выставка гостя. А еще помогли в одном экземпляре издать книгу "Волшебный мир бересты" для методического пособия. Высокий международный уровень.

К слову, в 1998 году Российская Академия художеств отметила нашего земляка дипломом за берестяные изделия.

Еще в Финляндии Валерий Елизаров стал гражданином сказочной страны Венди — паспорт есть. Ее создали для себя люди искусства. Бог — дракон, каждый себе правитель и помогает каждому. В начале сентября в ночь полнолуния каждый год проходит праздник Лоугияс, где огонь и дракон — хозяйка. Да, страна-то сказочная, но не всякий удостоится чести о ней узнать, не то что стать гражданином. Наш земляк заслужил.

Нужно обязательно сказать о таланте книжника у Валерия Николаевича. Венгерская академия наук выпустила уникальное

издание "Мифы тувинских шаманов" М.Б.Кенин-Лопсана. Оно богато иллюстрировано, подчеркнуто, с важной для ученых точностью к каждой детали именно прекрасными работами В.Елизарова.

Он несколько лет сотрудничал с Национальным музеем, помогал оформлять экспозиции. Не удивительно, что именно Валерий Николаевич в 1997 году участвовал в создании выставки "Очарованный шаманом. Шаманизм в Туве" для Этнографического музея в портовом городе Антверпене, что в Бельгии. Вернисаж имел большой успех, побывал еще в нескольких государствах Европы.

Прошлым летом Валерию Елизарову исполнилось 45 лет. К этой не совсем "круглой" дате в Национальном музее открылась его персональная выставка живописи, графики, декоративно-прикладного и монументального искусства, которая радушно принимала посетителей с 21 июня по 25 августа.

На сей раз встреча зрителей с мастером получилась особенной. В последнюю "пятилетку" к художнику предъявила особый счет ее величество Жизнь. Начиналось вроде бы с пустяков: подумаешь, у кого лимфатические узлы не воспаляются? Когда все-таки отправился к врачам, диагноз оказался жестоким. Многие дни, недели, месяцы, уже — годы борьбы с болезнью.

Надо, надо победить дракона... Мучительные курсы изнуряющего лечения. Ладно, чисто внешние потери волос, да когда на тебя бросают кто сочувствующие, кто любопытные, кто равнодушные взгляды. Свой новый статус тоже надо уметь достойно воспринимать, с неизбежностью примиряться, адаптироваться к восприятию окружающего через совсем иную призму, если хотите, времени. Его поддерживали. Но особенно — жена Марина и... рыжий пес. Вместе с ними едет Валерий в "Повозке счастья" — живопись прошлого года. Все-таки — счастье. Счастье дышать, жить, работать, творить.

Сам художник сказал, ничего бы не состоялось, в том числе и выставка, если бы не врачи онкологии, которые спасли ему жизнь. Им — благодарность, низкий поклон, в дар — картина, которую В.Елизаров вручил Марине Геннадьевне Феденко. Победить дракона удалось.

Как говорит доктор исторических наук Монгуш Борахович Кенин-Лопсан, это труженик, русский тувинец, который чувствует

древность нашей культуры, на пейзажах — тувинская степь, а персональной выставкой универсального характера надо гордиться. Танцующие работы, где использован природный материал — различные корни деревьев. Любит героев шаманской мифологии. Делает уникальные вещи — таинственные знаки, знает духов, которые могут охранять.

Человек с тонким вкусом, умеющий сочетать в произведениях культуры разных народов, да просто дарить хорошее настроение окружающим. Наверняка кого-то увиденное сподвигло почитать мифы — уже радостно.

Валерий Елизаров уважает духов, а они отвечают ему благосклонностью. Это чувствуется в авангардном триптихе “Колесо истории” — так бы я его назвала (автор разрешает каждому зрителю тут вволю пофантазировать). Другая композиция, опять же авангардно-ритуальная, “Дань духам”, полна уважения к тувинским традициям, культуре и фольклору.

Произведения В.Елизарова завораживают таинственностью и обыденностью, около них можно послушать шелест времени... “Лето на Енисее”, “Осенняя долина”, “Ледоход”, “Жаркий день”, “Закат”. Вечные ценности природы, мы приходим и уходим, а она остается с другими поколениями людей.

Притягивают взгляд необычные композиции из дерева, ткани, камня, керамики или кожи. Есть даже триптихи. Здесь уважительное отношение к наследию предков — петроглифам, стелам, пиктографическому письму, которые приветствуют нас из глубины столетий. Конечно, Валерий Елизаров использует стилизацию, привнося свое “я” в сюжеты.

Как мне нравится “Мой белый буря” — это из последних работ, на коже. Сам художник, грустный и одинокий, на мистической лошадке отправился в путь. Куда?..

Или “Мир Хеймо” — на коже, работа маслом, “плывет” финский ученый Х.Лаппалайнен — уже там, по ту сторону жизни. Часть его праха развеяна над священной горой Хайыракан, но помнят друга Тувы здесь...

Можно долго-долго думать о чем-то своем — сила ассоциативного восприятия — у “Полнолуния”, “Матерей”, “Потери души”, “Возвращении души”. А “Три мира” или “Сын волка”, “На смерть шамана”, что “стрелой священной улетел”? Или “Во

власти трех миров", "Сквозь тысячелетия", "Хранители сна", "Начало всех начал" и многое-многое другое. Целые композиции "Дары Улгеню" и "Орел, производящий гром"... Сколько тут энергии автора, его жажды общения с нами. Да, есть и печальное, черное в буднях и праздниках. Но все-таки как оптимистична неразрывная связь двоих, их чувства, любовь, что не дают прекратиться всему живому на земле. И в то же время Валерий Елизаров говорит: без истории, без прошлого мы — ничто. Помните и не забывайте.

Он нас удивляет, когда сочетает несочетаемое вроде бы: ткань и камень, дерево и керамику — не ради красоты и красивостей. Там "бродят" всевозможные идеи, ощущения человека, чуть не переступившего порог в необратимое. Нам же показано: цените жизнь, не разбрасывайтесь, будьте трудолюбивы, делитесь богатствами знаний и талантов с окружающими — это так приятно. А зрителю — необходимо.

К. КЫРГЫС

ТЕРНИСТ МОЙ ПУТЬ...

Еще мгновение, и резвые скакуны встанут на дыбы, грудью сшибутся друг с другом за право возглавить табун...

Кот Леопольд просяще прижал лапы к груди: "Ребята, давайте жить дружно". И пристыженные мышки отвечают согласием...

"Через леса, через моря колдун несет богатыря". Высоко-высоко в синем небе схватилась добрая и злая силы, и зритель сразу и бесповоротно встает на сторону света.

В каждом рисунке столько экспрессии, скрытой энергии, движения, что мысль художника каждому становится близкой и понятной. Нет в рисунках той статичности, умиротворенности, тихого спокойствия, кои нередко бывают характерны для многих портретных и пейзажных работ.

"Живопись" — это название как нельзя полнее отображает почерк юного самодельного художника Сылдыса Сояна: живой слепок с действительности. Не случайно он стал номинантом международной премии "Филантроп", за право победить в котором боролись 1609 инвалидов, в том числе безвестный

прежде международной общественности юноша из центра Азиатского материка.

В девять лет по трагической случайности оказавшийся без рук, он не упал духом, не сдался под напором жестокой судьбы. До этого случая он сильно увлекался резьбой по камню, уже тогда работы его были замечены многими авторитетными в этой области художниками. Мальчику прочили большое будущее.

— Мама, купи мне набор цветных карандашей, — была его первая просьба после выписки из хирургического отделения Чаданской больницы, где ему ампутировали по плечи обе руки.

Мать удивилась просьбе, но без лишних слов исполнила ее, а затем остро заточила карандаши. “Интересно, что он будет делать с ними?” — недоумевали родные и сильно удивились, когда их глазам предстал карандашный набросок вполне узнаваемого городского пейзажа из окон их дома. Сылдыс нарисовал его... зубами.

Поначалу он исписал немало листов прямыми линиями, овалами, окружностями, другими геометрическими фигурами. Постепенно почерк становился все увереннее. На смену карандашам пришли фломастеры и кисточки с акварельными красками. По мере овладения рисунком Сылдыс становился все более общительным, все чаще выходил на улицу из замкнутого домашнего пространства, и улыбка вновь озаряла его мальчишеское лицо.

В 1995 году Сылдыс Соян стал лауреатом 1 республиканского фестиваля художественного творчества детей-инвалидов “Вдохновенный голос творчества”, получив в подарок магнитофон. Позднее он становится победителем еще нескольких конкурсов-фестивалей, на него обращают внимание высокопоставленные лица республики. И вот в 1998 году первый Президент Тувы Ш. Ооржак дарит юному таланту двухкомнатную квартиру в новом доме. Сылдыс вместе с матерью переезжает из Чадана в Кызыл и сразу поступает в республиканское училище искусств. В прошлом году успешно оканчивает его. И все эти годы рисует, рисует, рисует...

— Я не знаю как рождаются замыслы рисунков, — делится мыслями юный художник. — Люблю рисовать все, но особенно животных. Сажусь перед чистым листком бумаги, зажимаю в зубах фломастер и вывожу им первую линию. А дальше все получается как бы само собой.

Так родилась Пушкиниана из двенадцати рисунков, посвященная 200-летию со дня рождения великого русского поэта. Затем последовала серия рисунков, навеянная детскими воспоминаниями: родные чаданские пейзажи, отары овец и табуны лошадей, юрты и старые чабаны возле них, быстрые горные реки... А еще – череда рисунков из нового замысла: расставленные в определенной последовательности, они сильно напоминают сюжеты мультфильмов.

— Есть у меня одна мечта, — смущенно делится сокровенным юноша. — Изобразить в мультипликациях тувинское сказание или легенду. Уже начал первые наброски, но они меня пока не удовлетворяют. Ищу собственные выразительные средства, не похожие на примелькавшиеся зрителям.

Нет сомнения, что талантливый художник найдет их, своему выразит фольклорные мотивы родной Тувы. Ими он исписал всю стену над диваном в зале, но потом по настоянию родственников стер их с помощью юной подруги. Она по праву стала его руками, правда, из скромности попросила не называть своего имени.

С легким сожалением оставляем чистую уютную квартиру в большом кирпичном доме на улице Каа-Хем. И с уверенностью, что из нее выйдут на свет настоящие шедевры. По крайней мере, союз попечителей и исполнительная дирекция международной премии "Филантроп" официально пригласила Сылдыса Черлигооловича Сояна участвовать в конкурсах 2003-2004 годов.

Тернист путь любого художника, художника-инвалида – вдвойне. Но к сильным духом успех приходит всегда. Сылдыс – из их числа.

КАК КНИГИ ПИШУТ

В 2001 году вышла в свет книга профессора кафедры литературы ТувГУ Г.Н. Курбатского "Тувинцы в своем фольклоре: Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора". В 2002 году вышел составленный им же сборник "Тыва тывызыктар" – Тувинские загадки. Сборник признан лучшей книгой Тувинского издательства 2002 года. В газете "Тувинская правда" опубликованы отзывы М.Б. Кенин-Лопсана на эти книги.

Мы попросили Г.Н. Курбатского ответить на вопросы. Беседу предлагаем читателям журнала "Улуг-Хем".

— *С чего началась работа?*

— Золотой осенью 1972 года к нам из Ленинграда приехали дорогие гости, этнографы – тувиноведы Леонид Павлович Потапов и Вера Павловна Дьяконова.

Прихожу к ним в номер гостиницы "Кызыл". "Ну, что дальше?" – спрашивает мой Учитель. К тому времени машинопись "Тувинских праздников" была уже подписана к печати, и Леонида Павловича интересовали мои дальнейшие планы. Я пробормотал что-то невразумительное о материалах Григория Николаевича Потанина относительно фольклорного сотворчества народов Саяно-Алтая. Он сказал, что там ничего (диссертабельного – Г.Н.) нет. Я спросил:

— Что же тогда?

— Ну, вот, например, малые жанры тувинского фольклора как историко-этнографический источник. Но надо хорошо знать все эти вещи.

— *И вы сразу же приступили к работе?*

— Рад бы в рай, да грехи не пускают... Был дан мощный импульс, толчок мысли. Но сесть и писать никак не мог.

Дело в том, что после защиты (апрель 70-го) я уже не мог читать свои старые лекции. Они не соответствовали моему новому пониманию курсов. Ведь каждая отдельная лекция –

это, по сути, диссертация в миниатюре. Их надо было качественно переработать. Чтобы не испытывать внутренний дискомфорт. Чувство вины перед студентами. Этим и занимался вплотную, по меньшей мере, лет пять. И занимаюсь до сих пор...

— *Трудности начального периода...*

— Непросто было научиться выявлять в фольклоре многочисленные проявления этнографизма. Нарастить этнографические мускулы.

Желание обобщить порой превосходило содержательные возможности собранного материала.

— Ну, ты и пишешь, — говорил Леонид Павлович в 1965 году. — У тебя выводы — во! (Он широко разводил руки). А фактов — во! — И показывал кукиш.

Надо набраться терпения. Продолжить сбор фактов. "Мы собираем материал всю жизнь". Скрупулезно описать факты. Ведь есть прекрасные образцы — Г.Н. Потанин, Г.Е. Грумм-Гржимайло. В этой же традиции выполнено описание свадьбы у тувинцев разных родов в "Очерках..." Л.П. Потапова. Через описание фактов — к их объективному осмыслению. "Факты не врут, врем мы".

Учитель говорил: "Книгу мы конспектируем так полно, что она нам больше не нужна". Были законспектированы имеющие отношение к теме труды дореволюционных русских и новых исследователей. Только во время стажировки в Ленинградской части Института этнографии Академии наук (1982 год) отмахал 600 рукописных страниц.

Конспектируя, старался преодолеть стиль автора. Ведь чтобы более-менее понять чужую мысль, надо изложить ее своими словами. Конечно, и цитировал с указанием соответствующих страниц.

— *Ваши информаторы...*

— В книгах я называю своих информаторов, собирателей, помощников — студентов-филологов. Всем им глубокая благодарность. Мы делали общее Дело.

Ооржак Токпак-оолович Хоор-оол из Барыын-Хемчика. Привлекала его уверенность в себе, внутреннее достоинство. Знал, что англичанин Дуглас Каррутерс в книге "Неведомая Монголия" упомянул мальчика Хоор-оола, показавшего ему в 1908 году асбестовую гору Ак-Довурак.

Казалось: он знает все. Обнаглев, спрашиваю:

— Вы видели, как русские отмечали свои праздники?

— Да. Мы их называли “орус маскырлап”.

Здесь речь идет о святочном ряжении. Леонид Васильевич Гребнев смеялся: “Ну, надо же так отувинизировать иностранное слово (маскарад)!”

И стал называть имена, клички местных русских. Вспомнил, где кто жил. Песню, которую сочинили тувинки о русском парне Девилее.

Салчак Шокшуй из Мугур-Аксы. Прекрасный знаток истории региона, местных родов, народностей, пограничного вопроса. Шаман. Сказочник.

— Ребята, я рассказываю “Гэсэр” семь дней и ночей. Или десять дней. У вас не хватит магнитной ленты.

В 60-70-е годы тувинскую фольклорную традицию отличала большая стойкость. Песни, например, информаторы, как соловьи, пели часами, сменяя друг друга.

Хомушку Бяз-оол Чюнустар из Кунгуртука. Прирожденный этнограф-фольклорист. Автор ценной рукописи. Собирател ь этнографической коллекции. Основатель школьного музея. Участник наших экспедиционных сборов 1965-66 годов.

Мижит Хургулек Кыргысович из Улуг-Хемского Торгалыга. С ним мы замерзли февральской ночью 67-го по дороге из Мугур-Аксы в Мөген-Бурен. Спасла тувинская юрта. Он и Б.Ч. Хомушку приобщили меня к духовной культуре своего народа.

1974 год, Овюр, зимник – кыштаг в 52 километрах от Торгалыга. Юрта старика Тырыка. Он рассказывает, по его выражению, “маленькую сказочку”. Но сказывание затянулось на полтора часа. У Светланы Петровой мерзнут пальцы. Она согревает их своим дыханием.

— *О переводах.*

— Для русскоязычного автора тувинский фольклорный материал был тогда закрыт. За исключением сборника пословиц, переведенных на русский язык О.К. Саган-оолом и М.А. Хадаханэ, и сборника тувинских героических сказаний в переводе Л.В. Гребнева. Работа над переводами заняла многие годы. Продолжается до сих пор.

Поскольку мы делаем перевод с научной целью, он должен, по возможности, **точно** передавать содержание и форму тувинского фольклорного оригинала. Желательно, чтобы совпали количество слов в оригинале и переводе, порядок их следования, занимаемые ими в стихах (строках) места. Например, местоимение “мен” часто стоит в конце тувинского стиха. И в переводе “я” должно стоять в конце стиха. Иначе нарушится его музыка, ритмомелодика.

Мы имеем дело с образцами народной поэзии. Поэтому желательно передавать тувинский фольклорный образ с помощью русского фольклорного образа – эквивалента. Например, в песне девушка упрекает свою мать за то, что она, по сути, продает свою дочь “за четыре — пять, за пять — шесть” (голов скота, т.е. за калым). Возмущение девушки можно передать с помощью русского фольклорного образа: “Родимая моя мать, **с ума, что ли, сошла...**”.

Ульяна Дамдыновна Куулар записала неизвестную фольклористике песню тувинской знати. Дужуметы упрекают беглецов – дургунов: вы так долго жили на горе Кара-Даг и в степи Оргу-Шол, что все кругом... В тувинском тексте никаких фекальных масс нет. Как же нам быть?

И я вспомнил детские годы в деревне. Проснувшись, мы бежали на огород...

— Ну, как, порастряслись? – встречала нас бабушка (мать).
— Ну, теперь садитесь к столу.

Вот оно, концептуальное слово – образ. В переводе должно быть: “Животы порастрясли (оправляясь), проклятые”. Все-таки “оправляясь” необходимо как разъяснение.

— *Так когда же Вы, наконец, начнете писать?*

— Да я уже давно начал!.. Только пока это “писание” связано, в основном, с обработкой собранного материала.

Думаешь о работе – уже пишешь. Собираешь материал – пишешь. Читаешь, конспектируешь, анализируешь конкретный текст и т.д. – все это различные этапы писания. Не подготовки к писанию, а именно писания. Спешить нельзя.

— *Много было черновой работы?*

— Каждую загадочку, поговорку, песенку надо было переписать на отдельный листочек (карточку). Тувинский оригинал

+ русский перевод + паспортные данные: от кого записано, кем, где, когда, кем переведено. У меня солидная картотека по загадкам. Несколько меньше по пословицам.

— *С ума можно сойти!*

— Очень даже просто. Главную, подготовительную работу исследователя видит только сам исследователь. Эту работу называют черновой. На самом деле она чистовая. От нее зависит успех (или неуспех) нашего Дела.

— *Что дальше?*

— Дальше последовало наведение порядка. Распределение материала по частям. Введение. Загадки. Пословицы. Песни. Прочее. Заключение. Это просто. Начальная стадия. А вот внутренняя, углубленная компоновка материала значительно сложнее.

Намечаю тематические группы. Быт. Хозяйство. Социальные отношения. Мировоззрение. Досуг, праздники. Русские и другие народы.

По этим тематическим группам растекается материал. Например, хозяйство в загадках, хозяйство в пословицах, хозяйство в песнях, хозяйство в других жанрах. И т.д.

— *Как это выглядело на практике?*

— “Запомни: главное — папочки, папочки”, — говорил Учитель. “Папочки” развернул в систему писания. Их не хватало. Из развернутых листов школьных тетрадей склеил большие конверты. У меня их много. Без них работать нельзя.

На конвертах пишу: “Мировоззрение в загадках”, “Мировоззрение в песнях” и т.д.

Последовательно перебираю буквально каждую загадочку, пословицу, песню и прочее. Выуживаю из каждого текста этнографическое содержание. Расписываю его. Теперь в конвертах не только фольклорные тексты, но и их аналитическое описание.

— *Вы хотите из читателей сделать исследователей?*

— Нет, этого никто сделать не сможет. Если сами читатели не пожелают. Но усвоить технику писания полезно каждому пишущему.

Конечно, это надо бы показывать. Но у нас не семинар. Приходится рассказывать. А вот если бы читатели испытали мой опыт на практике! Не важно, о чем писать. Важно, как писать.

— Ну, продолжим...

— Тут вот какая трудность возникает. Загадки, пословицы часто состоят из двух, а иногда и более частей. И каждая часть толкует свою тему.

А песни тем более отличает содержательно – экспрессивная многозначность (полифония). Чего только нет в одной и той же песне – и любовь, и отношения супругов, и хозяйственные мотивы, и мировоззренческие, и картины природы.

Вот и “кочуют” наши фольклорные тексты из одного конверта в другой. И каждый раз они придают аналитическому описанию все большую содержательную полноту, убедительность и яркость.

И если все это делать тщательно, вдумчиво, постепенно в наших конвертах сконцентрируется, поверьте мне, огромный материал. К нему прибавятся научный, полевой, архивный, литературный материалы.

— *Материала так много, что описать его невозможно?*

— Вполне можно “утонуть”. Или голова пойдет кругом.

— *Где же выход?*

— В делении целого на части. Надо видеть части, из которых состоит целое. Надо видеть части этих частей. И т.д., и т.п. Дойти до мельчайших частей. До абзаца. В итоге у меня в **каждом из конвертов материала на один абзац.**

Вот теперь можно писать. Теперь уж голова кругом не пойдет.

— *Но как один абзац отделить от другого? Ведь содержательно они так близки.*

— Да, близки. Но не тавтологичны. Каждый абзац чем-то отличается от предыдущего. Развивает тему. Идет дальше.

Надо озаглавить каждый отдельный абзац. Сделать это нетрудно. Достаточно подчеркнуть главное слово (слова) абзаца. Из этих слов и составится его тема, заголовок.

— А как научная литература читается?

— Только с карандашом в руках. Конечно, если книга наша. Подчеркиваем концептуальные (самые важные по смыслу) слова. В школе их называют “опорными”. Но терминология должна быть единой для всех. Делаем пометы на полях. Задаем вопросы автору и тем самым себе.

— *Какая же мысль вытекает из всего сказанного?*

— Главное для исследователя – материал. Есть материал – будут статьи, книги, диссертации.

Но материал – результат большого труда. Материал надо собирать. Материал имеет как бы способность к саморазвитию. Если он не лежит мертвым грузом. Если он осмысливается, аналитически описывается исследователем.

У меня, например, два рукописных фонда. По русскому фольклору Тувы. И по тувинскому фольклору и этнографии.

— *Специалисту важно общаться с коллегами...*

— Да, конечно. Я постоянно, с 1965 года, участвую в научных конференциях разного уровня. Главное – услышать, понять суждения коллег. Определить свое отношение к сказанному. Продвинуться вперед в овладении темой.

В Институте русской литературы Академии наук СССР, в Пушкинском Доме, на конференции 1979 года я выступал с сообщением “Тувинские мотивы в фольклоре русского населения Тувы”. Лев Григорьевич Бараг обратил внимание на тему русско-тувинских фольклорных связей. Предложил ее мне. Опубликовал несколько моих статей на эту и другие темы в сборнике “Фольклор народов РСФСР” (Уфа).

Конференция – семинар 87-го в Иркутске. Руководитель Елена Иванова Шастина. Вопросы корифеев. Как плохо мы знаем европейскую фольклористику! Даже академические исследователи. Благосклонное внимание к теме “Духовная культура тувинцев в их загадках”.

Меня особенно привлекает разработка остронаправленных, вполне конкретных, компактных тем. Лучшая публикация последних лет – “Психология любовного чувства в тувинской лирике”.

Ежегодно проходит семинар в Центре народной культуры Сибири при Омском государственном педагогическом

университете. Руководит им видный фольклорист России Татьяна Георгиевна Леонова. Нас объединяют многолетние творческие узы.

— *А обилие материала может мешать работе?*

— Нет, конечно. Материал – услада, торжество Духа. Но только если исследователь им по-настоящему овладел. Аналитически описал. Выделил его основные части, части, подчасти и т.д. Осмыслил его в целом.

Не надо спешить. “Далашкан күске – сүтке дүжер” – Торопливая мышь в молоке утонет.

— *Можно подумать, что Вы все это время жили на облаках...*

— Нет, этого не было... В педвузе, как ни крути, главная работа учебная. За творческий досуг надо платить. Здоровьем, нервами... Хуже всего – непонимание.

Письменный стол рядом с телевизором. Уходил в туалет, на балкон, на берег Енисея. Спокойно читалось на скамеечках частных домов. Во время отпусков правил лекции в березовой роще.

Не выдержал. Написал заявление в горисполком. Думал: посмеются над “новыми творческими планами”. Не посмеялись. Жилплощадь расширенную предоставили. Век благодарен Владимиру Борисовичу Добромыслову и Шулуу Даваевичу Куулару. А мэр города еще и объяснил, чем я отличаюсь от других специалистов.

Но вскоре понял: и в кабинете нет “возлюбленной тишины”. И оказался на серебрянском огороде. “Как потопашь – так полопашь”. Пахал – и в буквальном смысле слова. С одного четырехголового куста собрал полтора ведра помидоров. Разочарований, конечно, больше. Тут каждый думал об одном. Как бы проснуться необворванным.

87-й год: после двух операций по отстойке сетчатки. Берег Серебрянки. Парта под черемухой. Запойно, с утра до ночи, описывал песни.

Принципиально не пользовался материалами Рукописного фонда Тувинского НИИ. Использовать материал имеет право тот, кто его собрал. Неожиданная и единственная в своем роде поддержка. Зоя Кыргысовна Кыргыс передает мне 171 песенный

текст с переводами на русский язык. Материалы предназначались для 60-томного Собрания "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока". Спасибо.

В 91-м первая редакция готова. По дороге в Тамбов на фольклорную конференцию отнимается нога. Опираюсь на плечо своего ученика Сергея Хунан-ооловича Натпит-оола. Три его публикации прошли через мои руки. Жаль его. Жить бы да жить.

После Военно-Медицинской Академии (Санкт-Петербург) стажировка в Институте этнографии, теперь уже Кунсткамере. Борис Николаевич Путилов. В.П. Дьяконова. Высокие оценки сделанного. Но что я буду цитировать? Это мое. Для меня. Внутри меня.

Борис Николаевич говорил:

— Вот Вы пытаетесь показать, как тувинский фольклор воспроизводит реальную жизнь народа. Все это правильно. Но ведь, кроме действительности реальной, есть действительность нами еще до конца непознанная. Действительность нереальная. И она тоже представлена в фольклоре. Хотя увидеть ее труднее, чем реальную.

Его суждения помогли мне выстроить картину тувинской мифопоэтики.

Милый, отзывчивый Виктор Евгеньевич Гусев прочитал главу о тувинских песнях:

— Никогда не думал, что есть такие песни. Вот это экзотика! А как много материала! Иногда кажется, что повествование остановилось.

Е.И. Шастиной песни тувинцев своей красочной выразительностью напоминали полотно Николая Константиновича Рериха. (Из письма автору).

Перед отъездом пришел к Леониду Павловичу. В валенках. Сидит на кровати. После перенесенной операции по удалению катаракты. Поднес ему прекрасную хурму.

— Так ты не сумел уехать не попрощавшись?

Сказал, что сдал в издательство машинопись по алтайскому шаманизму. Поинтересовался объемом моей работы.

— Примерно как у меня... Не надо писать с оглядкой на объем. Пиши пока пишется. Главное – полно раскрыть тему.

Прощаемся в дверях. Я целую его руку. Он целует меня в голову. Прощай, Учитель!

— *Как сориентироваться в материале? Тем более если его много.*

— Безотказно действует принцип: сначала говорить о главном. Потом о менее важном. Еще менее важном. И т.д. Располагать материал по принципу понижающейся градации. Фигурально выражаясь – спускаться с лестницы.

Использовал метод постоянного наложения текстов. На старый текст “накладывал” текст новый, представляющий какое-то вкрапление, частность или трактующий что-то с новой позиции. Старый текст, вследствие своей полноты, содержательной насыщенности, вбирал в себя текст новый.

— *Вы сказали о первой редакции 91-го года? Были и другие?*

— Да, редакции 94 и 98 годов. Динамику работы можно почувствовать по ее меняющимся названиям. “Малые жанры тувинского фольклора как историко-этнографический источник”. – “Лирико-эпические и лирические жанры (далее как в предыдущем)”. – “Этнографическая действительность в тувинском фольклоре”. – “Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора”. Последнее название одобрил наш ведущий фольклорист Виктор Михайлович Гацак. “Тувинцы в своем фольклоре” – очень существенное дополнение. Главное – всем понятное.

Редакция 94-го, по сравнению с редакцией 91-го, не была принципиально новой. В редакции 94-го дополнено то, другое, что-то расширено. Но в общем-то материал излагался пожанрово, как и в редакции 91-го.

А вот редакция 98-го принципиально новая. В ней каждое этнографическое явление, большое, малое, совсем малое, описывается всей совокупностью имеющегося в распоряжении автора **разножанрового** фольклорного материала. Такого подхода я не видел нигде.

В редакции 98-го есть все, что есть в редакции 94-го. И ничего более. Ни одного нового слова. То же самое, но **в иных сочетаниях друг с другом**. В другом построении (композиции). В совершенно новой компоновке.

Это удалось за счет дробления текста (целого), выделения в нем новых смысловых частей, новых частиц. За счет объединения этих, вновь выделенных частиц.

— *Разъясните, пожалуйста.*

— В редакции 98-го появились главы о материальной и духовной культуре тувинцев в фольклоре, о тувинском фольклоре как факте духовной культуры. В духовной культуре выделился раздел “Традиционное народное мировоззрение”. До этого оно описывалось в разных главах — в загадках, пословицах, в песнях. Теперь весь этот материал стянут в единый смысловой жгут.

В редакции 94 года “Хозяйство” расписывалось по главам — в загадках, пословицах, песнях. Оказалось, что “Хозяйство” вмещает в себя очень разный материал.

1. Хозяйство как таковое. Собственно хозяйство. Различные виды хозяйства. Скотоводство. Земледелие. Охота. И т.д. Внутри-местности, удобные для пастьбы скота, земледелия, охоты, собирательства.

2. Хозяйственно-трудовой уклад. Навыки, культура хозяйствования. Отношение к работе.

3. Хозяйственные мотивы вторгаются и в социальное сознание. Отношение к жадному баю. Пастьба скота за право доения как форма понижения социальной напряженности.

4. Хозяйственные мотивы проявляются в нравственности. Воздается должное трудолюбивому, хозяину—труженику. Осуждается лень. Нормы этические.

5. Хозяйственные мотивы в верованиях и обрядах. Песни оваа дагыыр.

Весь этот материал **по частям** разошелся по разным разделам (рубрикам). Без него эти разделы были бы маловыразительны. Или их не было бы вообще .

— *И что получилось?*

— Содержание как будто старое. Но форма его подачи абсолютно новая. Отчего содержание четко выявлено. И воспринимается как качественно новое.

— *А как же математическая истина “От перемены мест слагаемых сумма не изменяется”?*

— Сумма фактов не изменилась. Но перемена мест слагаемых придала целому (не математическому, а нашему целому, нашей работе) новое качество.

Композиция активно воздействует не только на форму, но и на содержание.

— *Есть ли приобретения теоретического плана?*

— Отчасти на этот вопрос я уже ответил.

Фольклор – это голос народа. В фольклоре народ рассказывает о себе. Важнее этого нет ничего. О себе народ рассказывает мощно, вдохновенно.

Фольклор – вполне самостоятельное художественное явление. Извлекая из него этнографическое содержание, нельзя игнорировать его поэтическую специфику. Его беллетристизм. Лиризм. Психологизм. В фольклорной поэтике своеобразно проявляется психический склад народа. Его характер.

Этнографическое описание материала уточнило представление о фольклорных жанрах.

Загадки коня **описывают**. Тело. Голова. Хвост. Сбруя. Различные виды хода. Клички.

Пословицы коня **оценивают**. Его практическая значимость.

Песни вводят коня **в широкий контекст** народного быта.

Если материал разных жанров укладывается в рамки единого, целостного описания, значит он родственен. Загадки, пословицы, песни представляют единый фольклорный комплекс.

Единство индукции и дедукции.

Единство анализа и синтеза.

— *О сборнике загадок, пожалуйста.*

— В 64-ом Шулуу Чыргал-оолович Сат передал мне контрольную работу своей студентки К.А. Монгуш (поселок Ишкин, Сүт-Хөл) с записанными ею текстами тувинских загадок. Всего наши студенты записали свыше 400 загадок, неизвестных тувинской фольклористике. Они же предварительно перевели загадки на русский язык. Отредактировала переводы доктор филологических наук Светлана Монгушевна Орус-оол.

Ш.Ч. Сат говорил: "Когда переводишь тувинскую загадку на русский язык, чувствуешь себя настоящим идиотом". Понятно почему. Загадка в силу своей природы метафорична. Т.е. называет свойства загадываемого предмета (явления, лица) иносказательно. Надо принимать во внимание также специфику тувинской метафоричности. Она основана на глубоком знании природы. На идее родства и равенства всего сущего. На сознании единения природы, человека и социума. Неповторима словесная образность.

Это первый двуязычный сборник тувинских загадок. В нем 1121 текст.

— *Ваша самооценка.*

— Владимир Владимирович Маяковский писал: “Поэзия – езда в незнаемое”. Это вполне относимо к науке.

Работая, открыл для себя много нового. Надеюсь, не только для себя.

За высокую оценку сделанного мной большое спасибо Монгушу Борахоевичу Кенин-Лопсану. Неутомимому труженику Науки. Брату по Духу.

Работников Тувкомнауки и Тувинского книжного издательства благодарю за помощь в издании книг.

— *Ну, и концовка. О самом-самом, сокровенном...*

— Материала было так много... Казалось — раздавит. Думалось: надо верить в себя. Вспоминались слова сводок Совинформбюро: “Враг будет разбит, победа будет за нами”, “Будет и на нашей улице праздник”, “Войска маршала Жукова вышли на оперативный простор”... Ничего не поделаешь: военное детство.

Антонина ДОНГАК

ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК ЧАНЧЫ-ХОО

Чанчы-Хоо Ооржак (1895-1962) был одним из одареннейших эпических певцов Тувы. Талантливыми сказителями были его отец - старик Чапаажык и старший брат Шара-Хоо. Так образовалась знаменитая сказительская династия Чапаажыка Ооржака, который в свою очередь был преемником своего дяди Хоянака, охотника и сказителя.

Чанчы-Хоо является ярчайшим представителем Монгун-Тайгинской сказительской школы. У него учились Дондук Салчак (1922-1971), Самбуу Саая (1903) Ширнен Иргит (1929-1979) и многие другие.

В 1972 г. вышел в свет сборник сказок Чанчы-Хоо Ооржака под названием "Демир-Шилги аъттыг Тевене-Мөге" ("Тевене-Мөге с конем Демир-Шилги") "Силач-Тевене с конем" куда наряду со сказками вошли и героические сказания. Составителем сборника был известный собиратель О. К. -Ч. Дарыма, а послесловие написал фольклорист Д. С. Куулар и впервые привел перечень сказок из репертуара сказителя. Он далеко неполный и включает около шестидесяти сказок. В сборниках "Тувинские народные сказки" (1994) и "Тувинские героические сказания" (1997), вышедших в Новосибирске в рамках серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока" также были напечатаны эпос "Хунан-Кара" и сказка "Лесной заяц-беляк" из репертуара Чанчы-Хоо. Сказки Чанчы-Хоо печатались и в других сборниках тувинского фольклора, однако большинство их до сих пор неизвестны широкому читателю.

Эпосовед С.М. Орус-оол в своей монографии подробно исследовала поэтику и стиль героических сказаний тувинцев на примере трех произведений, записанных от знаменитых сказителей Тувы, в том числе и эпоса "Хунан-Кара" в исполнении Чанчы-Хоо Ооржака.

Еще одной примечательной особенностью творчества Чанчы-Хоо Ооржака является то, что в его репертуаре широко представлены сказки, сюжеты которых имеют литературное происхождение.

В тувинском фольклоре широко бытовали сказки, возникшие на основе литературных сюжетов. Несмотря на то, что многие сюжеты в той или иной степени подверглись художественной обработке в рамках тувинской сказочной традиции, тем не менее, они сохранили в себе некоторые признаки литературных произведений. Это очевидно, поскольку по своим художественно-стилистическим качествам, жанровым признакам и сюжетным реалиям заимствованные сказки несколько отличаются от оригинальных тувинских сказок. На общем фоне тувинских сказок язык выглядит более разговорным и сжатым, а художественная ткань - невыразительной, лишенной поэтических украшательств, характерных для местной эпической традиции.

В то же время существуют варианты, в которых сказители, не нарушая композицию литературного оригинала (например, "обрамленной повести"), постарались внести в сюжетную канву произведений новые эпизоды, мотивы, самобытные детали, основанные на местных реалиях. В таких вариантах, хотя сюжет и дополнен новациями и подвергся влиянию тувинской художественной традиции, первоначальное книжное содержание сохраняется.

Старший брат сказителя Чанчы-Хоо Шара-Хоо в свое время "выучился монгольской грамоте и стал читать монгольские книги, а затем содержание пересказывал младшему брату". Естественно, что Шара-Хоо щедро передавал брату духовный багаж, полученный от отца (Чанчы-Хоо было 13 лет, когда их отец умер во время охоты от воспаления легких в 1908 году), а затем и от чтения монгольских сутр. Возможно, поэтому жанровый состав и сюжетно-тематический диапазон сказок Чанчы-Хоо является чрезвычайно богатым и широким. Его репертуар включал как объемные героические сказания, так и сказки различных жанров, легенды, предания, благопожелания и т.д.

Как мы отметили выше, от него также записаны многие сказки, имеющие литературные сюжеты. В его репертуар

входили сказки: "Трон о тридцати двух деревянных ножках", "Кот - наставник" из "Панчатантры", "Сказки попугая" и многие другие сюжеты.

Люди, близко знавшие его, говорили, что он сам не владел монгольским языком, хотя большую часть своей жизни прожил в местах, граничащих с Монголией — Монгун-Тайге и Овьуре. Его сосед и хороший знакомый Д. Иргит из с. Саглы Овюрского кожууна рассказал один курьезный случай: "... однажды во время охоты Чанчы-Хоо наткнулся на горного козла и ранил его. Поскольку уже стемнело, он решил не преследовать животное и, чтобы провести ночь, зашел в одну из дорбетских юрт. Он хотел объяснить хозяевам по-монгольски, что ранил козла, а оказалось, что вместо этого сказал, что жена родила. А хозяева юрты так смеялись над его монгольским. Вот как он плохо знал монгольский язык".

Каким образом сказитель воспринимает, усваивает иноязычный материал, далее слагает уже новые произведения на основе их сюжета, секреты возникновения новых текстов в результате миграции или заимствования сюжетов каждый раз, возможно, следует рассматривать прежде всего через призму личности сказителя, его индивидуального мастерства. Как говорил А. Лорд, "сказитель - не сознательный иконоборец, он - художник, творящий в рамках традиции".

Одним из таких художников и был тувинский сказитель Чанчы-Хоо Ооржак, создавший свой неповторимый эпический стиль, поскольку в каждом конкретном, зафиксированном варианте заимствованного сюжета можно рассмотреть индивидуальный акт творчества, уровень художественного мастерства сказочника. Сказка "Хан-Дарма", записанная у Чанчы-Хоо в 1955 г., является тувинской устной версией монгольского литературного памятника - "Бигармиджид", первой книги из трилогии о царевице Бигармижиде.

В целом, в сказке "Хан-Дарма" Чанчы-Хоо, несмотря на большую долю фольклорной обработки, сохранился оригинальный сюжет литературного памятника. В сказке сохранились имена персонажей: Лемир-Мижит, Сесек-дангына, Хан-Дарма, Сурьяхаан; названия местностей: Валаранса (индий. Варанаси), Энискек (монг. Энэтхэг - Индия) и т.д.

Характерной особенностью варианта Чанчы-Хоо является обилие художественно-определяющих сочетаний - сравнений, гипербол, эпитетов, парных слов, повторов, пословиц, цифровой символики и других средств, которые украшают текст. Сказка начинается с развернутого эпитета - характеристики главного персонажа, восьмилетнего Лемир-Мижита: "Восьмилетний Лемир-Мижит, одетый в серый обтрепанный тон, серые юфтевые сапоги, имевший маленький, плохонький лук с тетивой—волосиной, который был хуже, чем лук у слуг, жил он в широком, темном лесу, раскинувшемся с северной стороны владений-городов Хан-Дарма хаана, когда зима наступила, ел мышей-пищух, а когда лето приходило, поедал кобылок-кузнечиков".

Излюбленным приемом сказителя является использование цветowych эпитетов: "белый", "золотой", "каурий", "серый", "красный", "желтый", "темный" и т.п. Применение цифр также характерно для его почерка, причем он пользуется самыми разными цифрами: "в течение трех дней не находя ничего, три раза падал ниц"; "пятьдесят человек отобрав, пятьдесят коней приготовил"; "девять гор и девять рек сплелись и растянулись, словно миражи"; "подданные, равные количеству шерсти трех собак" и многие другие.

В сказке отражена мифология буддизма и шаманизма. Например, названия буддийских бодхисатв и божеств: Очур-Дооней (Ваджрапани), Ыйылдан бурган (другие фонетические варианты в этом же тексте "Ыйымдан" и "Ымдан" (Идам). В ней присутствуют и такие сложные философские понятия буддизма, как медитация, нирвана, перерождение, грех и т.д.

Не менее живописны и описания разных мифологических миров и их обитателей: "*Страна Мервен*", где обитают "существа с головой размером с гору, с тонким, словно волосок, горлом и с животом, как тайга, и ногами, как тростник"; "*Страна Магын-Далай*", где "скалы-камни с лесной стороны были покрыты золотыми, живущие в ней животные представляли все виды, какие только существуют на свете, чистейшая из чистых земель была. Выросшая в ней трава сплошной цветком онгува-чунгу"*; "*Страна девяти хищников*" — "это была темная страна, где рассвет никогда не наступал и солнце никогда не всходило, в ней и муравей-то был величиной с корову-двухлетку и на людей нападал" и т.д.

Вторая сказка - "Трон о тридцати двух деревянных ножках", записанная в 1957 г. у Чанчы-Хоо, также отличается от других вариантов своими художественными характеристиками. Данная сказка является переложением другого монгольского обрамленного сборника "Арджи-Бурджи" и была напечатана в выше — указанном сборнике сказителя. Сказка сохранила обрамленную композицию оригинала. Здесь также заметен неповторимый стиль сказителя Чанчы-Хоо, и он широко пользовался разными изобразительными средствами.

Можно отметить, что каждый из тувинских сказителей использовал литературные сюжеты в рамках своего творческого таланта, неповторимого стиля, импровизационных способностей. Надо полагать, что такой мастер импровизации, как Чанчы-Хоо, удерживающий в памяти широкий диапазон сюжетных типов и владеющий чрезвычайно богатым набором художественно — изобразительных средств, старался полностью реализовать свой творческий потенциал. Видимо, не зависело, рассказывал ли он крупное героическое сказание или короткий дидактический сюжет, заимствованный из литературных источников. Он должен был так преподнести слушателям заимствованную сказку, чтобы она была им интересной наряду с героическими сказаниями. Поэтому в литературных сказках стиль Чанчы-Хоо характеризуется типическими местами, формулами, построенными на параллелизме и аллитерации, биномами, повторами, эпитетами и т.д.

В сказках "Хан-Дарма" и "Трон о тридцати двух деревянных ножках" наглядно отражены поэтическое мастерство и выразительность стиля Чанчы-Хоо Ооржака — одного из выдающихся сказителей Тувы.

ДЕТСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ ЦЭНГЭЛЬСКИХ ТУВИНЦЕВ МОНГОЛИИ.

По данным письменных источников, некоторая часть этнических тувинцев с давних пор проживает в Монголии. Многие из них в результате длительного совместного проживания подверглись сильной монголизации и составили один из компонентов формирования монгольского народа. Однако некоторые из них сохранили свой язык, культуру и компактно проживают в сумоне Цэнгэл Баян-Ульгийского, в сумоне Буянт Кобдоского и Цаганнуур Хубсугульского аймака Монголии. Точных данных о численности тувинцев, проживающих в Монголии в настоящее время, нет. Но в исследованиях ученых и по сведениям различных средств массовой информации, есть некоторые данные.

По некоторым данным общая численность населения Цэнгэльского сумона составляет 7600 человек, из них 25 процентов или 2000 человек (500 семей) – составляют тувинцы, оставшийся процент населения приходится на казахов.

Монгольские тувинцы в основной своей массе ведут кочевой образ жизни: содержат различные виды скота, оленей. Данный образ жизни существовал испокон веков, поэтому скотоводство и сопутствующая ему охота является их естественным образом жизни.

Данная статья посвящена детской колыбели цэнгэльских тувинцев, играющей важную роль для людей, ведущих кочевой образ жизни.

Хорошо приспособленная к кочевому образу жизни детская колыбель защищала малышей от лютых морозов зимы, знойных дней лета и позволяла, тем самым, вырастить их здоровыми и крепкими. Кроме того, детская колыбель с древних времен является предметом обихода тюркского и монгольского народов, который стал для многих поколений родных и родственников священным.

Детская колыбель цэнгэльских тувинцев состоит из следующих частей: *кавай ыяжы* (каркас); *эжмек* (согнутое изголовье колыбели); *тын* (веревка для сетки против мошкар); *шигшик* (веревка, к которой привязана тын); *шидиг* (шнурки для фиксации младенца в колыбели); *муңгаш баг* (веревка для закрепления

шнурков); *чаак* (боковые стенки колыбели); *хом* (стенки изголовья и у ног); *таңнай* (сосуд); *базырыг* (кусок кожи квадратной формы служащий для мочеиспускания в горшок); *баартак* (пеленка для тела); *шуглак* (пеленки для ног); *шывыг* (полотно или занавеска против мошкары); *чөргек* (общее название пеленок); *чадыг* (матрац); *кажык* (бабки или подкопытные суставы).

Кавай ыяжы. Изготавливается из кедра или ели, либо из любой другой мягкой древесины. Длина каркаса колыбели составляет 60-70 см., ширина 30 см., высота боковых стенок 8-10 см.

Эңмек (т.т. *эңмек*). Изготавливают из согнутых веток тальника. Служит во время перекочевки. Во время верховой езды колыбель находится над передней лукой седла и в случае падения колыбели эңмек предохраняет голову младенца от удара об землю.

Тын. Привязанная к макушке веревка. Один из концов тын привязывают к *шигшик* (см. *шигшик*). На тын навешивают занавеску от мошкары.

Шигшик. На задней стенке (у ног) детской колыбели глухая веревка. К этой веревке привязывают *тын*.

Шидиг (т.т. *кырыктааш баа*). Веревка, с помощью которой фиксируют ребенка в колыбели. Изготавливают из тонких ремней бычьей или коровьей кожи.

Муңгаш баг (т.т. *муңгаш шидиг*). Веревка, прикрепленная по три с каждой стороны боковых стенок колыбели. Через эти веревки продевают и закрепляют шидиг.

Чаак (т.т. *чаак*). Две боковые стенки предназначенные для того, чтобы младенец не выпал из колыбели.

Хом (т.т. *дужак*). Боковые стенки у изголовья и в ногах.

Таңнай (т.т. *өзек ыяжы, сүңмек*). Предназначен для отправления естественных потребностей (мочеиспускания) младенца. Моча ребенка попадает в *таңнай*. Цэнгэльские тувинцы в *таңнай* кладут кизяк или золу. Тандинские тувинцы, кроме этого, подсыпали сухие кедровые опилки. Раньше цэнгэльские тувинцы изготавливали из коровьей кожи *таңнай*, в наше время используют обычные жестяные банки.

Базырыг (т.т. *иче базырар хыл*). Предназначен для того, чтобы, при мочеиспускании младенца струя урины направлялась в *таңнай*. Изготавливается из бычьей или коровьей кожи и кладется на половой орган младенца.

Баартак. Пеленка, которой обворачивают грудную клетку, живот и спину младенца. Изготавливается из шкурки ягненка или козленка.

Шуглак. Пеленка, которой обворачивают ноги младенца. Изготавливается из шкурки ягненка или козленка.

Шывыг (т.т. *угек, шывыг*). Занавеска навешиваемая на *тын*, предохраняет младенца в колыбели от комаров и других насекомых.

Чадыг. Матрац, изготовленный из войлока, либо из овечьей или козьей шкур. Имеет отверстие для выхода естественных нужд младенца.

Кажык. У цэнгэльских тувинцев их привязывают на *тын*. По их числу можно определить сколько детей имеет данная семья. Если привязан правый надкопытный сустав (бабка), то это значит, что родился мальчик, если левый – девочка. По этим признакам можно определить, сколько мальчиков и девочек имеется или родилось в этой семье.

После рождения ребенка родители новорожденного, родственники отмечают "*дой*" (праздник рождения ребенка). Старшая из женщин со стороны отца произносит благопожелания, затем помогает укладывать младенца в колыбель. Во время праздника разделяют барана, правая часть подкопытного сустава считается мальчика, а левая – девочки. После того, как будет сварена голень, сначала ее грызет мать новорожденного. Затем отец новорожденного отламывает *кажык*, дочиста обгладывает и его вешает на *тын*. Тандынские тувинцы вешают пупок.

Детская колыбель передается из поколения в поколение по нисходящей линии, либо от родственников к родственникам при рождении очередного младенца. В случае, если одновременно рожают хозяйка юрты и ее невестка, то колыбель передается хозяйке. При отсутствии колыбели, ее изготавливают родственники со стороны матери роженицы. У изголовья колыбели вешается коготь медведя. Предполагалось, что этот амулет защищает младенца от нечистой силы и болезней. Тандынские тувинцы называют этот амулет *уруг куду*. Когда младенец вырастает из колыбели и ее больше не используют, колыбель вешают на стенке юрты с правой стороны от входа. Колыбель без причины нельзя снимать и трогать.

Кавай (колыбель) является священным предметом для монгольских тувинцев. В связи с этим надо сказать, что на территории Баян-Ульгийского аймака существует несколько топонимов, связанных с колыбелью. Например, Баян-Улэгэй (переводится с монгольского как – “богатая колыбель”). По данным местных информаторов, это название имеет свою легенду. Когда-то урянхайцы-охотники во время охоты нашли гнездо орла, в котором обнаружили младенца. Долго они не могли решить, кому из них взять ребенка на воспитание. Тогда один из охотников сказал: “Я прожил 40 лет, но у меня до сих пор нет детей, поэтому отдайте этого малыша мне”. Охотники решили ему отдать ребенка. С течением времени у этого охотника родилось несколько детей. Поэтому это место стали называть “Богатая колыбель”.

На территории сумона Цэнгэл также находится местечко с названием “Кавай-Даш” (тув. “Каменная колыбель”). В этом месте находится большой камень высотой 0,5 м. и длиной 1,5-2 м. имеющий вид колыбели. Рядом с этим местом стоит *оваа* (жертвенный курган), которому поклоняются по настоящее время. Информатор Чамыш Херел рассказал, что существует следующая легенда об этом месте: раньше в этих местах жила молодая семья, но детей не было. Однажды молодая женщина грустно пела колыбельную песню и в этот момент явился камень в виде колыбели. Тогда муж с женой сделали подарки, жертвы, помолились богам, чтобы они даровали им ребенка. Через некоторое время молодая женщина родила. Впоследствии у них родилось еще много детей. С того времени это место также стало священным. К нему приезжают люди, желающие иметь детей, молятся о их даровании.

Таким образом, детская колыбель была и остается очень важным, священным предметом в жизни кочевых народов и, в частности, для цэнгэльских тувинцев. Она не потеряла своего практического значения и в настоящее время. Ею до сих пор широко пользуются чабаны-скотоводы и охотники-оленоводы, а также жители сельских местностей. Поэтому сохранение и соблюдение обычаев и традиций, связанных с изготовлением и использованием традиционной детской колыбели, является очень важным моментом для молодого поколения.

В. Елизаров "Ожившие личины".

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ

Ольга Бузыкаева. Судьба поэта.....	3
Варвара Межова. Луч Светы.....	15
Маргарита Татаринцева. "Мне песни петь – как воду пить".....	19

ПРОЗА

Черлиг-оол Куулар. Орлиная благодарность. Письма – белые облака.....	24
Иргит Бадра. Охота на тайменей.....	29
Чочагар Монгуш. Восьмая седловина.....	34
Чечен Ирбижей. Схватка.....	39
Вячеслав Бузыкаев. Живи-здравствуй, милочка!.....	42
Эдуард Мижит. Воздушный шарик. Кожа времени.....	47
Маадыр-оол Ховалыг. Белогрудый.....	50

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Владимир Берязев. Сухой колодец.....	57
Владимир Гордеев. От сердца к сердцу	61

ПРОСТОЙ ВОПРОС

Мария Хадаханэ. Что для вас "Улуг-Хем"?.....	62
--	----

ПОЭЗИЯ

Александр Даржай. Лиственница	64
Старик.....	65
Прохладная ночь. Одиночество.....	66
Две картинки.....	67
Зоя Намзырай. Моя лань.....	67
Саяны.....	68
Николай Куулар. Смородина.....	68
Сайлыкмаа Комбу. Из цикла "Сезон отцветания солнца".....	69
Лидия Иргит "Шум ветра и хрустальный звон реки...", "В кровь свои прокалывает пальцы...".....	72

Эмма Цаллагова. На пороге осени.....	72
На уровне глаз. Дура.....	73
Саяна Ондур. Двадцать первое лето.	74
Огненная лошадь.....	76
Людмила Санчай. Сердце.....	76
Сергей Өлзей-оол "Уходя, мы забываем часто", "Золотистых листьев стайку носит".....	78
Мария Кужугет. Стремя оторвалось... Пиала.....	79

НОВЫЕ ИМЕНА

Виктория Кондрашова. Час небес.....	80
Елена Трушникова "По бессонным перекресткам".....	80
"Я хочу побыть с собой...".....	81
Настя Аракчаа "Наша жизнь так похожа на цирк...".....	81

ДЕТСКИЙ ГОРОДОК

Чооду Кара-Күске. Сны.	83
Коза бодает слабого.....	84
Солнышко, свети!.....	85

ПУБЛИЦИСТИКА

Марина Кенин-Лопсан. Русский тувинец.....	86
К. Кыргыз. Тернист мой путь... ..	91
Георгий Курбатский. Как книги пишут.....	94

ФОЛЬКЛОР, ЭТНОГРАФИЯ

Антонина Донгак. Особенности сказок Чанчы-Хоо.....	107
Бадарч Баярсайхан. Детская колыбель цэнгэльскийских тувинцев Монголии.....	112

Литературно-художественное издание
Улуг-Хем

На русском языке

Набрано и сверстано на компьютерном центре журнала "Улуг-Хем".
Редакция журнала "Улуг-Хем". 667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина-
Кравченко, 57.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$ Гарнитура литературная. Физ. печ.л.11,50.
Усл. 6,97п.л., Тираж 700 экз. Заказ № 397.

Отпечатано в Республиканской типографии Госкомпечати и информации РТ. 667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина-Кравченко, 1.

